

МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ

Последний кабальеро

Максим Владимирович Последний кабальеро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22366083

ISBN 9785448351976

Аннотация

История каждого дома и каждой семьи особенная. Каждый мнит себя героем. Все хотят стать мерилom чести и совести. Но много ли есть таких, кто сможет ответить на вопрос, человек ли он, утвердительно? Страна старых легенд забытого народа, развалин недавнего прошлого, ещё мнящего себя силой, и новых, агрессивных идей и жажды наживы. И вечных как сама Земля историй, которые никогда не кончаются...

Содержание

Память	5
Глава первая	7
Глава вторая	37
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Последний кабальеро

Максим Владимирович

Посвящается Н. Р.

© Максим Владимирович, 2016

ISBN 978-5-4483-5197-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел внезапно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,

Мы меняем души, не тела.

Николай Гумилёв. Память.1920

Глава первая

Когда собрался в дорогу, посмотри, не кружатся ли в небе над тобой птицы. (индейская поговорка).

Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится. От Матфея 23:12.

– Дон Хуан опять играет в прятки со своим прошлым. Слышишь, снова проклиняет этого поганца, Диего Веракрус Кавальеро. И когда это всё кончится?! Надо позвать отца Мигеля, пока старик не схватился за пистолеты! Как станет стрелять, держись! Ну, брысь, паршивые птицы!

Большая и медленная, как сама земля, служанка Сабина раздражённо выплеснула содержимое бадьи в сухую канаву, где лениво трепыхались почти белые от пыли цыплята. Птицы с пискom разбежались от поднятой волны тёмной грязи. Сабина не любила кричащее племя куриц, считая их порождением самой Тьмы. Поэтому попытка отравить жизнь хоть таким ничтожным созданием птичьего племени воспринимала, как достойное дело для истинно верующего человека. Пока птицы раздражённо оглашали двор своим бессмысленным клёкотом, а старый охотничий пёс полковника лениво их облаивал из тени большого дерева, кипариса, посаженного ещё дедом дона Хуана, Сабина ушла обратно в дом. На веранде остался только старый конюх, Методио,

покачивающийся в гамаке, некогда сооружённым им же самим для детей дона Хуана. Дети старого полковника давно разъехались, кто куда, а Игнасио вообще погиб во время революции, в Трёхдневном штурме. Теперь Методио постоянно сидел в гамаке хозяев, и некому было прогнать его обратно в конюшню. Хотя и работы у него особенно не было. Дон Хуан никуда не выезжал последние лет пять, старый Элеганс помер в прошлом году. Остальные рабочие лошади были в ведении младших конюхов. Старик Методио поглядел на безоблачное, ярко-синее небо, под стать цвету купола церкви в Сан-Кристобаль. Даже одинокой птицы не было видно на небосводе, ни одного облачка. Всё замерло, словно ожидало чего-то, таясь от палящих лучей солнца. На всём протяжении горной страны, от Рио-Рохо¹, чьи бурые воды несли в себе грязь с самых вершин, покрытых кое-где снеговыми шапками, до побережья Сатскеваль², где много лет назад высадились предки дона Хуана, чтобы забрать у местных их землю. Хотя небосвод был ясен, а солнце жарило, словно разогретая печь Сабины, старый конюх ощущал приближение бури. Он всегда чувствовал это, даже когда был ребёнком. Колдун, называли его в деревне. Уникум, называл его дон Хуан.

¹ «Красная река», пограничная горная река, берущая воды с ледников.

² «Благословенный», некогда место проведения ритуалов местных жителей, до колонизации. Именно в той местности по легенде высадится на берег великий рыжеволосый бог, что вернётся с рассвета. Первый конкистадор был именно такого типа. Да ещё и с королевским красным крестом на флаге.

– Сегодня старик умрёт. Или завтра. Такова воля Небес.

Он говорил эту фразу каждый день, и даже молодые конюхи, что родились во времена революции, уже не отвечали на его скрипучий голос. Все привыкли к его словам, считая их чем-то таким же обыденным, как ленивое ворчание старого хозяйского пса. Методио не боялся, что хозяин услышит его пророчество. Он давно уже ничего не боялся, даже самой Смерти. Спроси его, зачем ты повторяешь это изо дня в день, то старый конюх и не ответил бы, удивившись самому вопросу. Какое кому дело, что ты ищешь на этой земле, если после черты все одинаково попадают в место, откуда нет возврата? Так считал старый пастух, так полагали и остальные окрестные жители, кто постарше, а кто моложе, тем было всё равно. Старый полковник давно уже не был хозяином этих земель. Часть из некогда огромных владений предков дона Хуана давно уже забрали за ничтожную сумму, относительно их реальной стоимости, по суду. Крупнейшая горная компания, воспользовавшись советом умных крючкотворов из столицы, доказавших ранее, что Игнасио дель Васко-и-Дингадо, наследник, за день до своей смерти продал за триста эскудо³ земли к западу от Триехо, горный массив Лобо-Варго⁴, своему капитану Диего Алмерано. Его сын

³ От слова «щит»/«герб», обязательный элемент оформления монет. Вес около 3 грамм золота. Эскудо равен 16 реалам, которые делились на 10 песо, делимых на 10 сантимо. Двойной эскудо – дублон, вес 6,77 грамм.

⁴ Волчье гнездовище, место оборотня.

в свою очередь пять лет пытался получить хотя бы половину земель, но безрезультатно. Никакой местный судья не согласился бы признать пропитанную кровью бумагу, с неровным почерком, актом продажи наследуемых земель. Отчаявшийся наследник продал свои права на весь участок земли, поскольку считал иск бессмысленным, компании за тысячу эскудо и двух лошадей. Те надавили в столице, куда следует, и вот результат, в Наварре и Кетаско⁵, двух долинах Лобо-Варго, день и ночь работает почти полтысячи человек, сплошь пришлых, извлекая из горной породы столько золота и меди, что даже с учётом взяток и платы рабочим, компания получала свыше десяти тысяч эскудо. Эхо взрывов доносилось с гор, и к ним привыкли все, даже курицы. Как привыкли к новой железной дороге, построенной горной компанией. Вторая часть земель, плодородную долину Сантерра-де-соль⁶, где уже сто лет выращивали виноград, лучший во всей стране, продали дочери полковника, как свою часть приданного. Всего за двадцать тысяч эскудо ушли свыше восьмисот акров лучшей во всей округе земли дону Синпозито, сыну цирюльника, внуку батрака. Тот за год вернул потраченное, начав широкомасштабное производство вина, которым теперь были уставлены лучшие буфеты зажиточных семейств

⁵ Дар солнца. Золото туземцы воспринимали даром солнца, застывшими лучами. Оттого и относились к таким местам с почтением. К большому удовольствию прибывших с рассвета новых хозяев этих мест.

⁶ Святая земля, до прибытия чужаков место захоронения, земля предков.

по всей страны, и даже богатых соседей, по ту сторону реки и границы. Младший сын дона Хуана, Хесус-Хайме, уехал к этим подлым гуэро⁷, забыв, кто напал и кто убил его брата. Там быстро спустил всё, что мог дать ему старый отец, и за три сотни их паршивых бумаг продал одному рыжеволосому и рыжебородому великану, пропахшему дешёвым пойлом, что делают северяне из кукурузы, земли к югу от искалеченного постоянными взрывами Лобо-Варго. Всю землю, от изрытой долины Наварре, до самой границы округа, теперь перегородили заборами. Пришлый быстро начал свою странную работу, накупив множество дешёвого скота, стал его пасти на некогда лучших пастбищах, куда пускали пасть только хозяйских коней и тонкорунных коз. Затем, через три-четыре месяца, собирал толпу пастухов, не из настоящих, а из перекасти-поле, пришлых и всевозможных пройдох, и отправлялся со стадами на север. Там, на севере, за рекой, говорили бывалые люди, такой скот, даже с учётом перегона и падежа, платы взяток и найма погонщиков, давал триста процентов дохода. Вся земля дона Хуана теперь это его гасиенда⁸, земли вокруг Сан-Кристобаль, несколько со-

⁷ Презрительная прозвище северян, означает «светловолосый». Происходит от испанского слова *huevo*, из фразы *huevo hueo*, т.е. пустое яйцо, которое было потеряно во время инкубации. Впоследствии стала синонимом больного человека, отчего перешло как пренебрежительная прозвище для всех светлокожих и светловолосых людей, чужестранцев.

⁸ Крупное частное поместье, в Испании, затем и в колониях, возникли в результате дарование/продажи королевских земель в частную собственность. Часто

тен акров пахотной земли, которую арендуют у семьи до-на Хуана семьи крестьян уже несколько поколений подряд, несколько старых выработок мрамора, заброшенных из-за их дешевизны, и старый лес.

– Долго ты сидеть тут намерен, старый?! Пойди к хозяину, отбери у него пистолет! Я не хочу с простреленной головой жить! Иди, или кормить не стану сегодня! Ну, чего расселись, дуры?!

Последняя фраза была обращена не к нему, а к курам, оккупировавших старую мансарду, пока их никто не видит. Куры с возмущением покинули прохладное место, обречённо выбравшись на открытую пыльную площадку перед домом. Старик Методио со скрипом в костях и оханьем, встал. Потряс ногами, чтобы привести их в нормальное для конечностей состояние и буркнул.

– Если ты сваришь опять свои проклятые бобы с красным перцем, старуха, я тебя сам изжарю на твоей богомерзкой кухне. И не маячь у дверей, а то хозяин примет тебя за гуэро и тогда мне придётся идти вечером в деревню, чтобы нанять новую кухарку. Прочь с моего пути, женщина!

Будь он немного моложе, а Сабина была бы обычной крестьянкой, привыкшей, что её понукает всякий, с младенчества, он мог бы проковылять внутрь тёмного здания старинной усадьбы. но Сабина была не совсем обычной женщиной.

к такому поместью на полурабских условиях приписаны были пеоны, батраки, полусвободные землепашцы.

Во-первых, она была моложе старого горца. Во-вторых, в её жилах текла кровь не простых крестьян, а обедневшего семейства касика, местного вождя, что некогда принял власть новых владык, прибывших со стороны рассветного края. В-третьих, если она и боялась оружия в руках полковника, то потому как видела в молодости, на что способен дон Хуан дель Васко-и-Дингадо. Много лет назад, когда в усадьбу нагрянула банда герильясов⁹, дон Хуан один, остальные попрыгались, кто куда смог, перебил всех радетелей за всеобщее благо, словно куриц. А было их восемь. И в-четвёртых, испытывала к старому зазнавшемуся конюху столько же благодушия и почтительности, сколько же и к тупым птицам.

– Приказывать будешь у себя дома, конюх. А я тебе что дам, то и съешь! Если заслужишь хотя бы кукурузной лепёшки. Марш в дом, пока полковник опять не впал в боевой раж!

– Я тебе не конюх, женщина! А вакеро¹⁰! Если бы у меня было время, тогда я бы тебе показал...

⁹ Исторически прозвище партизан на Иберийском полуострове во время колонизации Др. Римом этих земель. Guerra (исп.) война, Guerilla – малая война. В последствии термин перенёсся в Новый Свет, где им пользовались все, кто почитал себя истинным защитником народа и борцом за свободу.

¹⁰ Аналог «ковбоя», обозначающего в первоначальном смысле пастуха. Является видом конного спорта, имеющее старые традиции, который возник в средневековье в Испании. Проникли в Новый Свет ещё в 1687, во время экспедиции Эусебио Кино, легендарного миссионера-иезуита. Трепетно относятся к своей культуре и обычаям, образуя нечто вроде полулегальных вооружённых формирований.

– Да что ты показать можешь, тщедушный?! Иди, говорю к хозяину, пока добром прошу!

Будь Методио моложе, а Сабина больше напоминала женщину, а не кузнеца Родриго, способный одной рукой сломать железный прут, толщиной с руку Методио, он бы может и показал ей, что такое настоящий гордый вакеро. Но опасность получить в ухо от свирепой кухарки пересилило в нём голос собственного достоинства. Буркнув что-то невразумительное, как можно тише, чтобы она не расслышала, старик вошёл в дом, отворив лёгкую дверь, проникнув под занавеску из местной грубой ткани из конопли, с оригинальным орнаментом некогда свободного народа.

В самом доме всегда было прохладно, а зимой даже холодно, настолько, что приходилось топить большую печь. Методио сам прежде возил дрова в холодные зимы, дон Хуан не доверял такое дело никому из крестьян. Нагружая по две подводы дров с господской лесопилки, Методио бывало за неделю дела два рейса. Но с тех пор много пролилось воды с гор Лобо-Варго и Керхено. Уголь быстро заменил дерево, даже тут, в месте, которое казалось незыблемым. Уголь, что добывали из бывших земель дона Хуана. Прежде им пользовались только в металлургии, в городах, да кузнецы, а теперь редкая лачуга обойдётся без ведёрка с чёрным крошевом. Вся мебель была возраста Методио или самого дона Хуана. Старая, кое-где изъеденная термитами, пропахшая прошлым, она казалось, выросла в пол и стены. Словно

став единым целым с самим домом. Построенный более трёх столетий назад, из большого камня с гор, тогда принадлежавших семье, дом помнил прошлое, и сам был прошлым. Столь старым, что почитался за самый старый дом в округе, кроме церкви Сан-Кристобаль. Построен на месте некогда древней усадьбы местных владык, сначала деревянный, дважды горевший, дом обратился в камень по мере роста гордости у его хозяев, и по мере уменьшения их благосостояния. Он так и не был доведён до конца, как того желал губернатор провинции, Рауль Хесус дель Васко-и-Дингадо, заказавший план дома лучшему в стране архитектору, Мендосе. Последний раз шпатель и молоток касались стен дома в год большой войны в метрополии, за несколько дней до рождения дон Хуана.

– Кто там?! Немедля отзовись, либо я пробью твоё сердце из своего пистолета!

Методио замер, стараясь не шевелиться, зрение у хозяина было уже плохим, он мог принять тень своего слуги за шевеление. И тогда отпевать будет отец Мигель старого вакеро, а дон Хуан отправится в тюрьму. Оба эти варианта не нравились старику. Он тихо свистнул, как бы подзывая к себе жеребёнка. Таким звуком он когда-то передавал сигналы своему господину, во время войны генерала Сапато. Дон Хуан пошаркал по давно не метёному полу, поскольку держать слуг в такой махине было накладно, а причуды старика распугивали деревенских сильнее, чем скудное жалование.

Из-за полуприкрытой двери появилась сгорбленная фигура. Методио заметил в его трясущейся руке пистолет, старинного типа, заряжаемый через дуло. Вот тусклый свет из окна, сквозь плотную ткань, упал на фигурку, и слезящиеся глаза хозяина стали видны Методио.

– А-а-а, это ты Методио. А как там мальчики? Не вернулись ещё из поездки? Я волнуюсь.

Старый слуга привык, что голова хозяина живёт в своём собственном воображении, полном тягостных и радостных воспоминаний, напрочь игнорируя современность. Слуга поклонился, хотя больные ноги и спина, а также страх получить пулю от своего господина, превратили этот жест уважения в какое-то посмешище, позорящее саму идею о служении, достойное скорее бродячего театра, где разыгрывали сценку про глупого хозяина и презирающего его слугу.

– Дон Хуан, люди беспокоятся. Вы опять взяли в руки оружие. Ведь отец Мигель уже просил вас...

– Моего отца звали Иероним Фернандо, а не Мигель! Ты видимо забыл это, мой старый Методио!

Старик промолчал, хотя был моложе господина на добрый десяток лет. Дон Хуан, однако, положил свой пистолет на полку, рядом с какой-то книгой, покрытой пылью. Книга была столь древней, что даже буквы на обложке уже были не видны. Под стать своему хозяину и самому дому.

– Э-э-э, а как Изабелла мой верный друг? Вернулась она от своего мерзавца? Ты встретил её?

Изабелла уже лет семь как жила на побережье в одном из домиков, что составили некогда основу для зарождения курортного города Тивуаньо. Раньше эти дома, первые владения дона Сирано дель Васко, дарованные королём, первого белого на этих берегах, были полузабытыми владениями гордого рода дель Васко-и-Дингадо. Теперь они стали давать доход, превышающий доход от всего оставшегося земельного надела дона Хуана. Он отдал дочери побережье, как приданое. Её муж, гуэро, со странным именем Кейрон, быстро охладил к себе гордую Изабеллу, как выпивкой, так и страстью к другим женщинам. После развода, едва не кончившимся убийством бывшего мужа, она поселилась на берегу океана. Раньше она присылала подробные письма, с открытками и фотографиями, которые сначала читал сам дон Хуан, а после того, как его глаза ослабли, стал читать отец Мигель. Но со временем письма стали короче, карточки стали повторяться, почерк Изабеллы стал неровным, а года полтора назад пришло последнее письмо, сильно пропахшее водкой, где Изабелла, любимая дочь дона Хуана, изливала на него обвинения в её несчастливой судьбе. Это письмо молодой священник читать старику не стал, решив заменить горькую правду на сладкую ложь из какой-то дешёвой книжки, которыми зачитывалась Сабина. Это был секрет троих, остальные тоже были уверены, что Изабелла до сих пор пишет старику проникновенные письма. Через своего знакомого по семинарии отец Мигель попытался узнать, как живёт донна

Изабелла. После недолгих поисков истина открылась с её неприглядной стороны. Донна Изабелла, разменявшая четвёртый десяток, спуталась с каким-то мальчишкой, только окончившим гимназию, совершенно прозаического происхождения. Она просто помешалась на нём, окружив маленького самоуверенного нахала заботой, которая и не снилась её отцу. И страстью, которой не мог вспомнить и бывший рыжеволосый муж. Кроме мальчишки у грешной наследницы великого рода появилась другая страсть – прибрежные бары и салуны. Где она напивалась и вешалась на любого, кто хоть немного мог связать два слова. Деньги от курортного места проходили сквозь нетвёрдые, не сильно ухоженные руки донны Изабеллы, отягощая карманы её фаворита и случайных знакомых. Будь её старший брат жив, он бы просто застрелил свою сестру. Но Игнасио был давно мёртвым, и даже его могилы никто не мог отыскать за эти годы. А Хесус-Хайме не имел ни малейшего желания отзываться на горестные письма, полные пафоса и литературных штампов, которые рассылал отец Мигель всем родственникам, в наивной надежде заставить одуматься заблудшую овцу. Её сёстры, Анна-Мария и Нина считали себя обделёнными и не желали образумить свою сестру. Хотя получили они своё приданное сполна, и уже давно жили далеко от дома, со своими мужьями и детьми, присылая, однако время от времени коротенькие открытки. Возможно, они полагали, что, таким образом, в случае безвременной кончины отца их укажут в за-

вещании, вместо Изабеллы? Был ещё незаконнорожденный сын Эрнана, племянника дона Хуана, Фидель Кабель-де-Равель, оспаривавший право на надел к западу от Кетаско. Он устроил самую настоящую войну с горной компанией, попытавшейся по обычаю отобрать лакомый кусок у нищего. Фидель ответил войной, убив трёх герильясов присланных для окончательного «урегулирования спора», а потом забросал той же ночью шашками контору компании. Владельцы компании были взбешены таким поведением, и готовились отправить за головой светловолосого кабальеро своих лучших охотников. Но знатное, хоть и незаконнорожденное происхождение, а также поддержка местных жителей, и кроме всего прочего прокурора провинции, двоюродного дяди Диего Фальконе, лишили компанию возможности заполучить участок обычным способом. На участке, принадлежащем Фиделю, был ещё один собственник, его спившийся брат, который продал свою долю за сто эскудо. Несмотря на потерю трёх человек и уничтоженное здание со всей документацией и имуществом, желание компании было полностью оправдано. Ведь участок Фиделя лежал на небольшом плато, прямо под горной кручей сурового Кетаско, совсем недалеко от основного поля работ. Этот участок манил желающих разбогатеть, даже несмотря на Фиделя, где по слухам местных жителей, и по картам геологов-гуэро лежала богатая золотая жила в белом кварце. Жилу оценивали в сумасшедшие пять миллионов эскудо! Не простых, а ассигнаций, привязанных

к золотому стандарту, что увеличивало раза в два стоимость горного сокровища! Отец Мигель был бы рад поведать родичу дона Хуана о сложившейся ситуации, но где его искать теперь, когда компания негласно объявила на него охоту? Понимая, что любая малейшая причина подозревать компанию в смерти буйного горца приведёт к бунту местного населения, недовольных тем, что теперь у них под боком живёт большое количество наёмных рабочих, не имеющих никаких моральных устоев. Кроме того дядя, хоть и двоюродный, мог создать большие проблемы, а принудить прокурора страны к замене строптивца было чревато объявлению войны другой компании, уже купившей на корню весь аппарат. Таким образом, Фидель Кастель-де-Равель, негласно стал мишенью для желающих заработать лихие деньги. И стал недостижим для отца Мигеля.

– Методио, а Фидель не приехал? Я хотел поговорить с мальчиком. Он славный, гордый, настоящий кабальеро! Как Игнасио. Но попытка сразиться с подлецами гуэро, «Хор-ар майнинг компани»... Или это «Веласкес импреса»? Я уже забыл, кто забрал у меня мою землю. Напомни.

– Старший сын генерала Рауля Веласкес, хозяин. Его компания. Гуэро тут нет.

– А-а-а, помню, помню. Противный он был человек. Ни грамма чести! И сын видно такой же, под стать отцу! Отобрал у нас нашу землю! Благодаря крючкотворам! Даже Фальконе не смог ничего с ними сделать! Всё по закону!

Но Фидель им показал, что такое настоящие люди, а не эти слизняки! Да. Настоящий мужчина! Я бы гордился таким сыном!

Старик, улыбаясь чему-то, тяжело уселся в старое кресло, подозрительно закрипевшее под его весом. Методио заботливо помог, сам кряхтя от боли в спине, подсунув под ноги хозяина обшарпанный табурет, на котором давно сидел кто-то из детей. Может даже сам дон Хуан.

– Что же ты стоишь, Методио? Садись, вот сюда. Ты мой единственный друг в этих старых стенах.

«Вакеро» послушно сел, на пошарпанное кресло, некогда бывший гордостью владельцев «Гранд террано донасьон», как в прошлом звали это величественное строение и окружавшие его земли. Теперь его зовут просто – дом дона Хуана, поместье дона Хуана, замок дона Хуана. Для всех ныне живущих он стал чем-то вроде старой колокольни церкви Сан-Кристобаль, которая казалось, стоит тут от начала времён, и будет стоять до самого конца времён. Ровесник века, постанывая, почесал свою коленку, прикрытую старыми рейтузами, затем обратил полуслепой взгляд на своего слугу.

– Ты помнишь, в городе на холме, где расстреляли во время Реставрации губернатора, была церковь, в честь святого Игнасио? Будь любезен, сходи, поставь свечи за душу моего маленького Начо, и закажи мессу. Деньги возьми у Сабины. По пути зайди к Федерико, купи два револьвера и патронов,

штука по сто на каждый. Сколько это теперь стоит, Методио?

– Я давно не был там, дон Хуан. Церковь та наверняка ещё стоит, куда же ей деться? Но может я пойду в нашу, в Сан-Кристобаль? Отец Мигель не хуже городского отслужит мессу.

– Нет, ты пойди именно туда! И именно там закажи мессу! Это мой приказ!

– Как скажете, господин. А револьвер сейчас не купить просто так, ни в городе, ни у нас. После того, как ваш внук Фидель перестрелял тех поганцев. Сам генерал-капитан де Союза наложил запрет на свободную продажу оружия! Я слышал, как молодые ругались об этом ещё вчера, когда спускался к отцу Мигелю. Пришлые-то все вооружены, а нам чем от них отбиваться, гневаются люди, говорят при старом доне Эрнате, вашем племяннике, такого не могло произойти.

– Да, Эрнан был суровым человеком, но справедливым. При нём эти пришлые наглецы и выскочки не смогли бы прибрать наши земли! Эх, зачем он пошёл на ту дуэль... Какая разница, что там болтают про него и про донну Генриетту Баррирас, урождённую Кагель-де-Равель.

– Но мой господин, ведь дон Хавьер не мог просто терпеть их отношения! Я ведь помню, что даже простые пеоны и простые горожане открыто потешались над старым прокурором, отдавшим не только своё место, но и жену вашему племяннику.

– И это верно, мой друг. Если бы Эрнан послушался мою

матушку, и взял в жёны Изабеллу, то скольких проблем можно было бы избежать. Но он был весь в одном порыве, для него не существовало полумер и общей морали. Он жил как рыцарь из старинных баллад. Как Идальго из Санто-Пиньо. Хм, дай, вспомню, вот ведь память стала. Кажется так.

*...Ты, одинокий странник в пути, не беги и не прячься
в кусты, от меня и коня моего,
Я не обижу тебя, не возьму твою лошадь и хлеб,
Я гордый Идальго из Санто-Пиньо, что жизнью
покаялся народ защищать,
От лживого слова, от подлого дела, от хищника
и происков демонов,
Нет мне награды милее, чем смех людской, и чистое небо
над любимой землёй,
Нет мне преграды, что не одолеем мы с моим конём,
Мой верный меч и конь отважный, мы встанем стеной
у зла на пути,
И только перед королём и монахом бедным, преклоню я
колени свои.*

– Не знаю, господин. Я не грамотный. Но только люди говорили тогда, что дон Хавьер предложил развод, чтобы не доводить дело до трагического конца. Но именно донна Генриетта отказалась.

– Да, отказалась. А Эрнан вызвал старика на дуэль. И погиб. Для чего он пошёл на такой поступок?

– Я не знаю, что творится у знатных донов в головах, за-

то знаю, что если конь не слушается хозяина, то его стоит и кнутом поучить. Так же и бабой, даже если она донна. Проучи дон Хавьер свою жену, а потом притащи её к епископу Лоренцо, чтобы расторгнуть брак и не было бы....

— Возможно и так, если думать только о соблюдении некоей общей нормы поведения. Нов том то и дело, что Эрнан не был обыкновенным. Он был лучшим из нас, последних настоящих кабальеро.

— И погиб совсем глупо, просто из-за бабы. А она даже их сына не оставила себе! Его сына! Человека, который погиб из-за любви к ней! Отправила малютку к своему брату, дону Фальконе. Ладно, я человек простой, и мне такие вещи не понять, дон Хуан. Но что я думаю, если бы ваш племянник был умнее, то не стал бы возиться с чужой женой. Это и против законов, государственных и церковных, говорил отец Мигель. Если бы его не убили, а он убил бы обманутого мужа, то его судили бы, как преступника и опозорившего честь мундира. Меньше чем отставкой и трёхлетним тюремным сроком дон Эрнан не отделался бы, хоть как суди. Таковы законы, и я полагаю не самые они плохие. Ведь если я к примеру уведу жену у кузнеца, это я просто для сравнения говорю, а он меня убьёт, то население потеряет сразу двух, а то и трёх человек. Меня, я буду мёртвым, кузнеца отправят в тюрьму, или на каторгу, а его жена или повеситься, или сбежит от позора, куда глаза глядят. Нет, думайте, что хотите, а по мне, всё это игра только, идальго эти, дуэли. Господ-

ские штучки! Простому человеку они совсем ни к чему!

Он так раззадорил себя своей речью, что и не заметил, как диалог плавно перешёл в монолог. Дон Хуан понурил голову и затих, уйдя в свои воспоминания. Методио тактично молчал, выжидая последующего разговора. Обычно старый хозяин так быстро не сдавался. А вот идея о приобретении оружия немного встревожила Методио. Нет, он уже знал, давно знал, что духи земли заждались его хозяина. Он встревожился тому, что даже такой почтенный человек вдруг озабочился обновлением своего арсенала. По правде сказать, револьверы в усадьбе были, оставшиеся от Игнасио, и пара купленных у беглых солдат винтовок, но их спрятала дура-кухарка, полагая, что пока опасности нет, нечего оружию быть на виду. Был бы Методио моложе, показал бы он ей, где место у кухарки! Не дело бабе прятать оружие от мужчины! Это нарушение всех законов, людских и божьих! Но пока он задумывал коварную месть строптивой Сабине, дон Хуан мирно уснул, привалившись к плечу старого конюха. Тот не сразу заметил, что хозяин спит, пуская слюну, словно младенец. Очнувшись, только когда одна капля упала на грубую загорелую кисть, сорвавшись с отвисшей губы дона Хуана. Методио осторожно освободился от слабого объятия старика, и устроил его, как мог, на кресле, подложив под голову старое, пропахшее пылью покрывало. Другим покрывалом, лежавшим на полу, с каким-то чудным орнаментом, изображавшим бегущих вслед за шестипалым змеем людей вокруг

солнца, укрыл хозяина, словно ребёнка. Осторожно поднявшись, чтобы не разбудить старца, он подошёл к полке и взял старинный пистолет. Затем, на цыпочках, хотя это и было трудно для его больных ног, вышел обратно на улицу той же дорогой, что и пришёл ранее, следуя гневному повелению Сабины.

– Ну, что с ним? – Сабина не слишком аккуратно занималась готовкой. И снова этот опротивевший бобовый суп с перцем и луком. Методио молча протянул ей пистолет, но та не взяла оружие, кивнув головой в сторону полки, где лежали книги по готовке. Руки у Сабины были в локоть в томатной пене, с раскрасневшегося лица стекал пот, и Методио злорадно заметил, что повара не заботит, что его пот присутствует в составе блюда. Сколько он себя помнил, готовила Сабина всегда одно и то же, за редким исключением, когда хозяин лично приказывал приготовить что-то особенное для гостей. К тому же отвратно готовила, если хозяин не ставил ей это в укор. Но раньше ей помогали служанки, вернее было бы сказать, готовили, пока Сабина рассевшись в плетёном кресле, читала очередной роман, купленный в городе, либо в тихую утащенный у дочерей дона Хуана. Теперь она осталась почти одна, за исключением глухой девушки, что мало понимала речь и жесты Сабины, а потому была определена ею на уборку кухни и присмотром за мерзкими пернатыми. Куры были идеей дона Хуана, услышавшего как-то от одного старика-горца, что когда курица, из местной невзрачной

породы, снесёт голубое яйцо, все беды обойдёт дом стороной. Работавшие в гасиенде, кроме глухой Кармен и старого Методио, про себя посмеивались над наивной верой старого хозяина в сказки, что рассказывали им в детстве. Кармен видимо не понимала, зачем тут куры, но послушно пыталась выполнять работу, за которую ей платили этими самыми курами, кормили два раза в день, и раз в месяц выдавали два эскудо. Методио же был не столь материалистично настроен, поскольку знал того старика, рассказавшего хозяину эту байку. Куварратак был старым человеком, одного возраста с доном Хуаном, но сохранил и ясность ума, и силу в теле. Он уже восьмой десяток лет искал в горах белок и барсуков, хотя из-за постоянного шума, производимого на горных выработках, был вынужден ходить за хребет Лобо-Варго, в дикий край Секуаруедас, куда больше никто не рисковал входить. Куварратак или Савва, как прозвали его местные крестьяне, был человеком со странностями, но точно не глупый, не бросающий слова на ветер. Методио вообще сильно сомневался, что старый охотник вступил бы в разговор с доном Хуаном, если бы его на это не толкнула какая-то скрытая необходимость, которую он мог прочесть в своих снах или видениях, во время транса. Один из немногих умеющий видеть огонь, как говорили про местных знахарей и колдунов из племени юрок, без особой надобности не спускался к людям, обходясь тем, что сдавал добытое одному старому полукровке, работавшему на гасиенде Мерилас, за половину

цены. А потому то, что три года назад старик пришёл в га-сиенду сам и обойдя слуг, встретился с доном Хуаном в его гостиной, было удивительно. И тревожно. Методио сам хотел посмотреть в огонь, понять, что же привело Савву сюда, но что-то удерживало его от этого шага.

Методио пожевал губу и медленно, словно охотник, который боится спугнуть добычу, проговорил.

– Плохо, совсем плохо. Надо сказать отцу Мигелю. Может быть, и доктора, дона Рафаэль Ортис позвать придётся. Думаю, старик последнее лето живёт. Вот что, я пойду прямо сейчас, больше оружия вроде бы нет в доме. Это спрячь, куда следует. Вернусь к ужину, может быть с кем-то ещё, так что приготовь что-то более приличествующее месту и времени, женщина!

Сабина перестала помешивать варево, упёрлась грязными руками в свои широкие бока, и смирла его своими жгучими и злыми, как угольки глазами.

– Не тебе меня учить, старый, что надо делать, а чего делать не следует. Идёшь – иди, а советы мне ненужны от такого дурня, что не может починить свои сапоги!

Оставив последнее слово за собой, чтобы при случае указать наглой бабе на её законное место, Методио гордо вышел на улицу. И тут же сник. Жара стала за прошедшие полчаса ещё более непереносимой. И пёс, и птицы, и люди, все куда-то попрятались от палящих лучей светила. А ему ещё ид-

ти в Сан-Кристобаль, искать отца Мигеля, а потом тащить-ся в город, к дону Ортису, если священник решит, что вмешательство медицины пойдёт на пользу последнему аристократу из рода дель Васко-и-Дингадо. Он натянул обтрёпанную широкополую шляпу на седую голову, надел истоптанные высокие кавалерийские сапоги, что стояли возле гамака, поправил пояс с широким охотничьим тесаком и спустился на пыльный двор, прямо под солнечные лучи. Пройдя немного, он остановился, и повернул к высокой конюшне, где хранил кое-что из своих вещей. Внутри опять же ничего не было, парни чистили стойла рабочих лошадей с другой стороны, а эта часть постройки всегда использовалась для хозяйских дорогих скакунов. После смерти Элеганс больше никто не оставлял здесь своего любимца, даже редкие теперь гости оставляли своих коней на улице, у привязи под навесом. Да и раньше редко, кто оставался в гасиенде больше, чем на день, а теперь такого года три не было. Внутри было сухо, чисто, никакого обычного лошадиного запаха, характерного для любого стойла, не было тут и мышей, следовательно, и кошки не обитали в старой постройке, с их отвратительными запахами. Даже куры сюда не заходили, поскольку для них не было никакой поживы на каменном полу. Солома уже не покрывала каменную кладку, оставшуюся от предшествовавшего здания, времён до колонизации этого края. Методио прошёл к стойлу, где раньше стоял пони донны Изабеллы, же давно издохший, и отодвинул пустую

кормушку. Деревянная колода скрывала небольшую нишу в полу, прикрытую обломком черепицы. Вакеро достал нож и осторожно приподнял обломок. Щелчок! Из образовавшегося отверстия торчало шило, своего рода защитный механизм его тайника. Он смело убрал «крышку» и поглядел внутрь тайника. Две кожаные сумки, обмотанные поясами с местным орнаментом, кисет, крепко замотанный в тонкую рваную тряпицу, амулет, с которым он ходил на охоту, заговорённый старым шаманом Итчекаса, что давно уже помер от водянки. Две пачки патронов на 45, ещё не распечатанные, по двадцать штук в каждой. Бычий пузырь, в котором лежали мелкие монеты, старые медные песо и новенькие стальные сентимы, недавно начавшие выпускаться. В пузыре лежали ещё серебряные десять монет, по реалу каждая. Под всем этим богатством лежала плотная парусина, которая прикрывала большой чёрный шестизарядный револьвер, армейский, один из тех, что носят кавалеристы из стражи генерал-капитана. Произведён гуэро всего три года назад, если клеймо не врёт. Он осторожно взял оружие и осмотрел, хотя никто не мог прикасаться к револьверу, не покалечившись о хитроумную ловушку.

– Вот ведь как вышло, сеньор сержант. Вы давно уже мертвы, а я жив и пользуюсь вашим оружием. – Методио пробормотал вслух и сам испугался своего голоса. Прислушавшись, он убедился, что никто его не подслушивает. Тогда он сунул револьвер себе в подсумок, кинул туда одну пачку патро-

нов. Затем подумал, и достал два реала и десять песо, из копилки-пузыря. Аккуратно уложив всё обратно, он осторожно взвёл механизм защиты и прикрыл черепицей свой тайник. Затем поставил на место старую кормушку и притопал редкий песок, что заносил сюда ветер через всегда открытые ворота. Отряхнувшись, Методио вышел из старой конюшни.

На дворе не было ни одной живой твари, ни одного человека, и после прохлады конюшни, которую из-за толстых каменных стен не прогревало солнце, старому вакеро казалось, что его облили раскалённым маслом. Хотя он и привык к солнцу, и всю жизнь прожил тут, но этот день был особенно жарким. А ведь это ещё не конец лета, если не придут тучи, в такой жаре за неделю погибнут все те жалкие всходы, что едва вылезли из земли после засушливой весны.

– Эй, старик, куда отправился? Или Сабина опять что-то купить отправляет нашего патриарха?!

Весёлый голос заставил его вздрогнуть, одноглазый Мигель, выполнявший не совсем чётко определённый круг обязанностей. Он был что-то вроде управляющего на ближних земельных участках, но иногда выполнял и функции секретаря при доне Хуане. Мигель появился, словно демон из-под земли, разве что грома и серного запаха не было. Несмотря на жару, он был одет как всегда в свой облегающий чёрный костюм, как у настоящего дворянина, и светлые кожаные сапоги, из шкуры горного козла. Голову венчала лихая шляпа, вроде той, что носят офицеры-кавалеристы, только без

кокарды. Тонкие усики, холёная физиономия и единственный, но быстрый глаз, замечающий всё, что его и не касалось, отчего-то всегда были противны старому Методио. В правой руке управляющий, всегда в кожаных перчатках, держал тонкий хлыст, а в левой, мешок с какими-то неприятно пахнущими склянками. Так что некоторое сходство с жителем подземного мира у него было, что дало повод Методио ненавидеть управляющего ещё сильнее, хотя его отвращение и так было абсолютным. Но показать он его не мог, потому попытался состроить улыбку, и как можно вежливее промолвил, приподняв шляпу.

– Пошёл, потому что врач сеньору нужен. И заказать мессу для Игнасио. А что вы в такое пекло ходите, всё равно, сейчас ни разбойник, ни вор не полезет никуда. Пока украсть попытается, хотя, что у нас красть, да и парни не дрыхнут, слышите, песню поют, его раз пять удар хватить может!

– Ах, Методио, Методио! Ты как всегда предан своему хозяину, и кроме того, слишком уверен в том, что знаешь людскую природу. Ну, ладно, иди, если свою голову тебе не жаль. Если увидишь в городе дона Басилио, передай от меня привет и подтверди, что я буду завтра, как и обещал!

Не дожидаясь ответа, Мигель, насвистывая мотив, незнакомый Методио, прошёл внутрь усадьбы. Старик помедлил, глянул назад, но управляющий уверенно шёл в дом, не собираясь останавливаться и добавлять какое-то новое задание. Методио был в некотором привилегированном положе-

нии, и потому напрямую Мигель не приказывал ему, зато обращался с просьбами, которые старик не решался игнорировать. Кто знает, если умрёт старый дон Хуан, не сможет ли этот пройдоха завладеть землями «Гранд террано донасьон»? Старик подумал, а не мог ли этот сын спившегося священника и бывшей туземной рабыни быть причастным к тем поворотам судьбы, что лишили дона Хуана земель? Но тут же он отверг такое предположение, поскольку из-за трусливого характера Мигель Кобардио, может и желавший после смерти хозяина прихватить что-то себе из господского имущества, хотя бы и землю, скорее стал бы рыться на старом кладбище, чтобы продать кости студентам-медикам, чем посметь пойти против закона. Но он всё равно был неприятным типом, полным всяческих скрытых и неприятных вещей.

Методио вышел за ворота усадьбы, побрёл по кое-как проложенной дороге вниз, в сторону мертвых домиков Сан-Кристобаль. Когда-то дорога эта была выстроена по приказу местного владыки, мелкого князя туземцев, но с тех пор минуло уже половина тысячелетия, а у новых хозяев не было нужды в ремонте старой дороги. Только в последние пару лет, видимо из-за постоянных взрывов, камни стали вылезать, превратив гладкую поверхность дороги в настоящее испытание для коня и человека. На телеге ехать было совсем невозможно, отчего и не ездили сюда знатные господа, а уж если и приходилось навестить старого хозяина, то поднима-

лись на холм верхом, но не по дороге, а по протоптанной тропе, рядом с разворошенным каменным полотном. Особо мешающие камни убрали прошлой весной, но сильные проливные дожди проделали в пустотах канавы, отчего разрушение дороги только усилилось. Методио уныло обозрел будущий путь, ему предстояло преодолеть не меньше мили, пока он доберётся до первых домиков поселения. По тропе он не решался идти, так как в это время года в траве на склоне было много змей, а его сапоги имели кое-где прорехи. Самое отвратное, это быть укушенным мелкой гадиной, которую и не увидишь, и медленно подыхать, мечась в бреду и агонии. Несмотря на то, что камни должны бы привлекать тварей, на дорогу они не желали вылезать. Это было главной причиной, почему Методио побрёл по искорёженному пути.

Он брёл, обдумывая про себя, что же привело Мигеля среди дня в усадьбу. Обычно он вёл свои дела, не посещая усадьбы, если того не требовалось, либо если не было указания дона Хуана. Но хозяин уже давно не отдавал никаких указов, живя в прошлом, а Мигель вёл дела так, как считал нужным. Пеоны жаловались на него, утверждая, что он повысил норму сдачи урожая, урезав забор воды и повысив саму ренту. Сколько из полученного добра уходило на счёт дона Хуана? Кобардио наверняка приворовывает, а чтобы не было так видно по счетам, увеличивает поборы. Надо бы сказать отцу Мигелю, может, что и присоветует, ведь злобу свою земледельцы могут сорвать не только на управляющем,

но и на всех слугах дона Хуана, и даже на самом хозяине.

Он остановился и задрал голову, в небе не было ни одной птицы, ни одного облака. Пот стекал по рукам и спине, он уже весь покрылся липкой солёной сыростью. Казалось, что голову охватывает огненный горшок, или даже тиски, раскалённые тиски, которые медленно сжимает невидимый великан, стремясь узнать, что скрывает там внутри череп этого существа. На какой-то миг ему показалось, что земля зашаталась, и он оступился, споткнулся, почти упал, но смог удержать равновесие. Что-то шевельнулось сбоку, он инстинктивно развернулся, готовый отпрыгнуть назад. Змеи могут подползти к самому краю дороги. Перед ним сидел старый, похожий на истрескавшийся и высохший корень дерева старик.

– Не ходи туда, сын Ангелина. Постой рядом со мной. Я хочу сказать тебе, предупредить тебя.

Голос был словно бы тихий шелест травы, и он не был уверен, что старик говорил с ним.

– К-кто т-ты? – от неожиданности Методио не мог выговорить слова, язык словно онемел.

– Ты знал меня когда-то, да забыл. Все забывают тех, кто уходит и не возвращается.

– Я не знаю тебя, дедушка! Я знаю всех в округе, многих из ныне мёртвых знал лично. О многих слышал, но тебя я вижу впервые! – Методио мельком оглядел странный наряд старика. Обычное одеяние для людей племени юрок,

но больно уж чудное. Такого орнамента и шитья он не видел.

– Знаешь, мальчик, я ведь сделал тебе первый кнут, чтобы ты смог пасти твоих овец. А амулет ты зря не одел, он тебе ещё пригодится.

– Итчекаса?!

Глава вторая

Генерал Энрике Себастьян Пейран – видный государственный и военный деятель второй половины прошлого века. первый президент республики, после победы над диктатором Хасундо, сподвижник видного деятеля народного движения Хелайа Хосе Лопес. Под его руководством были разработаны: основной закон страны, Вторая Конституция; создана система всеобщего избирательного права, включая впервые давшее право голосовать для женщин и туземцев; составлен свод законов, улучшивших жизненные условия большинства жителей страны. Под его непосредственным руководством впервые в стране была создана система всеобщего бесплатного среднего образования, основана, а затем расширена система медицинского обслуживания населения. Была разработана и введена новая денежная система, изменившая сложившуюся за века колониального правления стандарт «золотого дублона». Эскудо был объявлен внешней платёжной единицей, внутри страны была введена десятичная система, в которой реал равнялся десяти песо, которые делились на сто сантимто. Реал был заменён в последствии полностью на песо, в соотношении один к пяти, эскудо же оставалось платёжной единицей для внешней торговли ещё тридцать лет. Занимал должность временного,

затем первого президента 17 лет, после чего сдал пост первому избранному всеобщим голосованием президенту Леону дель Баррас. Памятник генералу Пейрану и музей, созданный в фамильной усадьбе рода Пейран, являются главными достопримечательностями его родного города, Сьюдад-де-ла-Фуэнте. Каждый год, 10 мая, в день смерти основателя и защитника республики, сюда стекаются десятки тысяч людей из всех уголков нашей любимой Родины, чтобы отдать долг памяти великому сыну своего народа.

Албарра и Сиреко, История государства и его создателя.

После погони, устроенной «дикими котами», и последующей стычки с людьми генерал-капитана де Соуза, завершившейся полным уничтожением солдат, сержант Коррадо принял решение убираться отсюда, пока майор не принялся за него, как ненужного свидетеля. Коррадо был всего лишь вестовым, посланным навстречу с главарём «котов», сержантом Хуаном Эчеварра, с пакетом, запечатанным самим майором. Но вид семерых кавалеристов, расстрелянных из кустов «котами» ввёл сержанта в состояние близкое к паническому. Конечно, он слышал всякие разговоры, перешёптывания и весьма сомнительные шутки, но не придавал этому особого значения. Даже участие в нападении на бедную деревню горцев, с последующим насилием над всеми жителями женского рода, будь то старуха или почти младенец, не было для него сильным испытанием совести. Ведь надо же когда-то и пове-

селиться солдату! А эти полулюди-полузвери, всё ещё хранившие заветы своих давно сгнивших в земле дикарей-предков, поклонявшихся каким-то ветрам, огню и прочим зверушкам, да птичкам, были просто идеальной мишенью. Он даже прихватил, на память и просто потому, что взять особо было нечего, красивые бусы из застывшего вулканического стекла, у той тощей смуглолицей девке, которое потом подарил Вероники. Но убийство солдат генерал-капитана, посланных по незнанию в след трём котам, ограбившим тех дураков-пилигримов, было последней чертой. Майор сделал свой выбор, встал на сторону скандального политика и богача, Хелайя Хосе Лопес, и что скоро все встанут на одну из сторон, о чём недавно по пьяни хрипел Хименес, лейтенант при штабе полка. Но ему, уроженцу пригорода столицы, тридцати лет от роду, сержанту Мигелю Коррадо, мечтавшему осесть где-то в подобном местечке, претила сама мысль оказаться в составе одной из сторон в будущем кровопролитии внутри страны. Во-первых, за все двенадцать лет службы ему посчастливилось не участвовать ни в одной кампании, и обрывать этот срок он был совершенно не согласен. Во-вторых, шансы у Лопеса были не самые явные, генерал Веласкес, отец главы кампании «Веласкес импреса», имел намного больше сторонников, в том числе и генерал-капитан де Соуза был в его рядах. Антиреэлекционистскому движению, требовавшему отстранения от власти нынешнего президента, куда входили и Веласкес и Соуза, принадлежало как

минимум треть мест Сената, треть была у консервативного блока доктора Мадраса, поддерживаемого религиозной частью общества и большинством мелкого и среднего класса предпринимателей. Доктор Мадрас шёл на смену президенту Хасундо, готового отдать пост в руки любого кандидата, кто обеспечит неприкосновенность его состояния и жизни, а также его многочисленных родственников минуте трагической участь семьи генерала Максимилиана, провозгласившего себя королём. Их попросту перевешали, словно рабов, бежавших с плантации лет сто назад. Даже маленьких детей. Коррадо очень хорошо помнил те времена, поскольку его семья жила рядом с дворцом неудавшегося императора, и видел, что бывает с проигравшими в борьбе за власть. Даже если проигравшему пять лет, и он даже имени своего написать не может. В-третьих, столкновение с людьми де Союза не могло долго скрываться, а значит, их ждёт как минимум усиление гарнизона, а кто знает, кого пришлют на подмогу. Если это будут верные режиму части, либо зависимые от генерала Веласкеса и его сторонников, тогда дни майора, а с ним и всего полка сочтены. В-четвёртых, родители Вероники сделали весьма явный намёк, что девушке в её возрасте не престало встречаться с мужчиной его лет без каких-либо перспектив. Фактически отец Вероники, мелкий торгаш, поставил ультиматум, или он до осени объявляет о женитьбе, или он, член городского совета, напишет на него заявление, что он, сержант Коррадо, силой овладел невинной деви-

цей. Если же он согласен, то так и быть, он, Франсиско Косерас поможет устроиться будущему зятю в городскую стражу. В таком случае ему надо было как можно быстрее уволиться, ведь алыгвазил Морено был троюродным дядей Вероники, и наверняка нашёл бы место бывшему сержанту армии с безупречным послужным списком. Да и вообще Коррадо до зубовного скрежета надоело быть десять лет подряд сержантом на бумаге, на деле вестовым, мальчиком на побегушках у других сержантов и офицеров, порученцем у штаба полка. Денег это не приносило, а когда выпучив глаза Коррадо, обливаясь потом и пыхтя, нёсся по гарнизону, а то и по городу, над ним посмеивались, словно над рекрутом. И вообще быть членом полубандитского сообщества, именуемого для приличия 7-м горно-кавалерийским полком, было просто стыдно. А теперь ещё и очень опасно. Ведь он так и не стал носителем их тайного знака, лапы кошки, а значит, увидев уничтожение людей де Союза, он обрёл себя на смерть.

– Эй, мордатый, как тебя, Коррадо? Иди, иди не бойся! Ты же не с де Союза, чего тебе меня бояться?! – Резкий окрик, принадлежавший сержанту Эчеварра, огласил молчаливую после недавней пальбы лесистую округу. Грубый голос вырвал его из тревожных мыслей, но вместо того, чтобы ударив коня, они то все пешие, умчаться прочь отсюда, пока ещё есть время. Куда бежать он не придумал, это было всё равно теперь, да хотя бы и к алыгвазилу Морено. Тот наверняка имеет связи в аппарате генерал-капитана. Если он

выдаст заговорщиков, то быть может ему даже дадут награду, повысят и переведут в благонадёжную часть. Но привычка беспрекословно слушаться сыграла свою роль, он понуро слез с лошади, и поплёлся к молчаливой десятке «котов», вооружённых длинными самозарядными карабинами «Скотт». Они расступились, давая ему проход, но затем снова сомкнули ряды. Внутри круга на камне сидел Эчеварра, невозмутимо срезающий золотые галуны с офицерского мундира. Он уже отрубил палец, чтобы достать кольцо с камнем, выпотрошил карманы и сумку. Забрал оружие.

– Ну, чего тебе тут надо, толстяк? Какого ты попёрся сюда, дурень? Ты вроде бы нас должен ждать у перевала Горриас? Я не ошибаюсь, Хернандес? – Эчеварра даже не поднял головы, продолжая мародёрствовать. Хернандес, его правая рука, тут же решительно закивал головой.

– Точно говоришь, сержант. У перевала Горриас он нас ждать должен был.

– А он припёрся сюда. Думал, наверное, хе-хе, что мы опять баб обезьяньих драть собрались! Ха-ха!

Вся банда загоготала, не столько из-за глупой шутки, сколько стараясь угодить своему главарю.

– Вот видишь, как плохо вышло, Коррадо, что поддался глупому зову твоего жирного тела. Теперь мне тебя тоже убить придётся. Как и этих вот дуралеев в синей форме. А пропажа одного из наших не останется без внимания тайной службы. Ведь за последние три месяца в стычках с золо-

тодобытчиками, крестьянами и горцами у нас погибло почти тридцать пять человек. Верно, я говорю, Хернандес?

– Так точно, сержант! Тридцать пять погибло, сорок три ранено, двое пропали без вести. Итого штат полка составляет всего три полных сотни и ещё две полсотни, не считая таких как он и сопляков. Это ещё полторы сотни разномастного сброда.

– Вот ведь как вышло, Коррадо. А у генерала де Соуза тут не меньше пяти тысяч, да ещё городские стражники, мелкие землевладельцы, создавшие милицию. И вот из-за тебя мы все теперь оказались под угрозой разоблачения. Перед угрозой неминуемой смерти. У тебя есть только один выход, сержант Мигель Коррадо, вернее два. Но тебе лучше выбрать тот, что я предложу.

– Я, я весь во внимании, сеньор Эчеварра. Что ты хочешь мне предложить?

Неожиданно крепкий удар в голову, нанесённый сзади, свалил Коррадо с ног. Он упал прямо в кровь, уже слегка загустевшую лужу, что натекла с тела молодого безусого лейтенанта. Коррадо попытался подняться, но его схватили за голову и впечатали в кровавую лужу. Он стал трепыхаться, дёргаться, но кто-то сильный, наверное, это был Борреас, огромный, почти чёрный от загара капрал, крепко держал рыхлое тело Коррадо. Затем его так же неожиданно подняли на ноги и поставили, всего измазанного кровью и сухой землёй, перед Эчеварра, уже пректившего своё отвратительное де-

ло, и с интересом наблюдавшего за кашлявшим и сипевшем Коррадо.

– Ну, теперь поговорим более интимно. Ты останешься здесь, с этими мертвецами. А когда тебя найдут, вернее, искать будут их, может быть нас, то найдут тебя, ты им сдашься без сопротивления. И скажешь, что это ты убил этих бедолаг. И что ранее, в деревне Ксочатак именно ты устроил пожар, в котором погибли все те обезьяны.

– Н-но п-п-почему?! За что?! Ведь я всё всегда выполнял, как следует, я никогда не выдал.....

– И не выдашь впредь. Если так ты поступишь, то твоя судьба будет более лёгкой. Если нет – не доживёшь и до суда. Кстати, твоя толстуха Вероника, она какова в постели? Огонь? Или как ты?

Окружавшие Коррадо загоготали, теперь уже искренне, плотоядно облизывая губы в предчувствии весёлого развлечения. Коррадо сжался, посерел, забыл, что весь измазан кровью.

– Простите, сеньор Эчеварра, не трогайте пожалуйста Веронику! Прошу вас, заклинаю всеми святыми! Она не переживёт этого позора! Она для меня всё! Я всё сделаю, как вы просите!

– Хорошо. Тогда вот что ты скажешь прокурору. Ты украл свинью, хотел продать, чтобы подкопить денег на свадьбу. Про это в городе многие знают, как и то, что твоё довольствие слишком мало для того, чтобы достойно провести

празднество. Убегая, ты случайно столкнулся с людьми де Союза. Ты перепугался, ведь за кражу тебя могли прилюдно высечь и вышвырнуть из армии. Тогда и свадьба твоя накрылась. Они тоже спутали, решили, что ты один из «котов». Но твой конь оказался быстрее, это правда, у нас кони в горах лучше ихних, те только на равнине годятся. Но понимая, что уйти не удастся, ты поскакал к этому, известному тебе месту. Вышвырнув свинью в пропасть, чтобы отвлечь внимание преследователей, ты затаился в кустах. Они прибыли спустя несколько минут, проклиная горы и воров. Визг покалеченной свиньи отвлёк их, возможно, они решили, что визжишь именно ты, сорвавшись вниз. Встав перед тобой, и решая, как спуститься вниз, в голову солдатам не пришло обыскать соседние кусты. Ты решил, или сейчас, или никогда. Взяв на мушку своего револьвера, ты выстрелил в офицера, прямо в голову, тот упал сразу. Но остальные рассеялись, начав простреливать кусты. Твоя судьба висела на волоске. И тут произошло непредвиденное, кто-то стал отстреливать одного за другим солдат. Кто-то, кого ты не видел.

Эчеварра замолк, достал сигару и закурил, остальные молчали, замороженные рассказом не меньше, чем сам «убийца». Коррадо удивился, никогда грубый сержант не выделял способностей к выдумке шикарных историй, сводя любые разговоры к выпивке, деньгам, коням, оружию и женщинам. Коррадо молчал, выжидая, пока Эчеварра раскурит свою сигару и продолжит рассказ. Тот явно наслаждался мо-

ментом, либо действительно пребывал в хорошем настроении, потому что так и не выругал его ни разу. Коррадо забыл и про кровь, и про убитых.

— Так вот, прошло какое-то время, и твой спаситель оказался перед тобой. Ты не заметил, как он вышел, не слышал, не почуял. Даже твой конь молчал. Спаситель твой был высок ростом, примерно с меня, светловолосый, но не гуэро, загорелый, но светлее Сергуэна. В руках он держал два карабина, за спиной висел ещё один. Глаза парня были зеленоватые, внимательные, как у кошки. Или волка, на твой вкус. Да, забыл, он был молод, не старше тебя, но руки его, хотя и изящные, выглядели, словно он уголь грузил с молодых лет. Широкоплечий, как Борреас, разве что немного уже, самую малость. Одет он был просто, по туземному, но сам он не туземец, не полукровка. А на голове его была широкополая шляпа с серебряной кокардой времён революции. Ну, тогда со львами, помнишь, поди, их не так давно отменили. Наследие колониального владычества, как говорит наш милый командир. Он тебе ничего не говорил, просто посмотрел на тебя, а затем занялся тем же, чем тут занимались мы, пока ты не появился. То есть собрал всё оружие и ценные вещи, деньги, патроны, сапоги вон даже снял, Борреас не вздумай их одевать в городе. Потом погрузил свою поклажу на трёх коней, включая своего, серого, длинноногого, со звездой во лбу. И так же молча удалился, в сторону Кохира-Лобо. На изящном, но слегка старом седле был герб, ка-

кая-то рыба в кругу, ты не слишком разглядывал. Всё понял, сержант Коррадо?

– Никто не поверит, что потомственный владыка, такой... Я хочу сказать, богатый и знатный человек не пойдёт на это преступление. Зачем ему убивать солдат?!

– Вот почему ты не стал старшим сержантом, Коррадо? И почему тебе так и не дали командовать даже сопляками, не поставили наставником? Потому что мозгов у тебя меньше, чем у этого дохляка! Не твоё это дело, поверят тебе или нет! Твоё дело признаться в краже свиньи и убийстве офицера! И рассказать про таинственного спасителя. Подробно рассказать, прибавить своё можешь, но ничего из моего рассказа не забыть! Всё понял? Повтори, что я тебе только что рассказал.

Коррадо едва мог говорить, поскольку только сейчас понял, что всё это значило. «коты» специально заманили несчастных и специально убили именно так, чтобы могло создаться впечатление, будто стреляли из одного места. Голова у офицера и впрямь была размножена выстрелом, скорее всего из револьвера подобного тому, что был у него. Точно Коррадо сказать не мог, он не видел трупы на поле боя, хотя видел убитых, которых привозили в крепость, когда он служил на самом юге. Это всё сделано специально, повторил он себе. Но другого пути у него нет.

– У меня нет свиньи. И я не стрелял из револьвера. А может там калибр другой? – Коррадо предпринял последнюю

попытку выпутаться. Слабую и глупую, но просто так отдать себя на милость, вернее свирепость, военного суда он не желал. Не верил, что его спасут.

— Такой же, как и у меня. Стандартное вооружение сержанта. — Эчеварра усмехнулся. — То, что ты не стрелял, исправить можно довольно быстро.

Эчеварра выхватил револьвер из кобуры, который остался всё это время на поясе Коррадо, и выстрелил куда-то в сторону. Раздался визг, шум возни, хрип и стон. Кто-то кинулся назад, Коррадо не обернулся, замерев на месте. Потом тот, кто пошёл проверить, что подстрелил их вожак, пронёс это к самому обрыву, и с матом швырнул вниз.

— Вот теперь вся история сходиться. Кровь на тебе, потому что ты споткнулся, упал от страха, поняв, что натворил. Ты пытался тормозить офицера, выл и плакал, но он был мёртв. Таким тебя и найдут вскоре, опустошённого и ссутулившегося над трупом. Ты не будешь сопротивляться, даже если тебя будут бить. Сильно не станут, ты им живой нужен будешь. Но историю эту раньше суда не рассказывай. В суде будет много народу, будут и проныры из газет. Вот тогда и дай всем жару!

Эчеварра сжал кулак и сунул почти под самый нос Коррадо. Кулак пах конский навозом потом человеческим и конским порохом и кровью. После этого его молча оставили один на один с трупами. Даже оружие на забрали. А он на самом деле опустился на колени и стал машинально гладить

шелковистые вихры на голове лейтенанта, где они сохранились, после выстрела.

Они быстро упаковали награбленное, расселись по коням и выстроились в цепочку. «Коты» медленно уехали той дорогой, ведущей в Кохиро-Лобо, густой горный лес, где на самом деле обитали волки, необычной чёрной окраски. Ехали медленно, посмеиваясь, хотя специально не шумели, явно, будучи настороже. Последним уходил Эчеварра, всё время оглядываясь назад. Спустя несколько минут после того, как «коты» скрылись в низкорослой молодой сосновой поросли, Эчеварра вернулся к месту бойни. Не спешиваясь, он медленно объехал всю округу, выглядывая что-то на земле и хмурясь, бормоча что-то под нос. Коррадо медленно поворачивал голову, вслед за всадником, но молчал. Тот вскоре подъехал к нему и проворчал.

– Я тут одну штуку занимательную потерял. Если найдут, спросят, скажи твоя. Не найдут, что же такова судьба. Но лучше бы нашли. Можешь сам поискать, пока никого нет.

– Что искать? Окурок? – Коррадо протянул погасший окурок, который ранее Эчаварра кинул на землю.

– Нет, не окурок. Ты чего думаешь, тут вообще никого не бывает? Будут они окурки собирать! Может ещё сопли, что Борреас намазал на мундир офицера, и слюну на окурке изучать станут, кому они принадлежат. Тебе, твоей жертве, неизвестному всаднику или вообще лежит тут недели три этот окурок, а сопли принадлежат самому капитану, просто

лейтенант не смыл их, когда тот чихнул на него?! Нет, это всё сказки, по слюне никто и никого не найдёт! А вот моя вещица занятная. Это вроде запонки, серебряной, в виде стрелы, обрамлённой листьями хикамы. Старая работа, времён вице-короля Аугусто Мигеля Асанза, подарок от... Неважно от кого, но мне она дорога, очень дорога. Если найдёшь сам, либо ищейки найдут, тогда так и быть, отвалю из своих припасов твоей дуре компенсацию. А если нет, тогда её похитят, и никто никогда не найдёт.

– За что?! Тут столько камней, столько пыли и грязи?! Да может кони эту запонку и затоптали!

– А мне какое дело, отчего она пропала, и не мой ли конь её в втоптал? У тебя времени много – ищи. И стимул есть, хороший стимул. Может статься, и не расстреляют тебя, кто поверит, что такое чмо способно на хитрое и коварное преступление?! А вот украсть свинью, чтобы выручить деньги на свадьбу, можешь. Потому и будет всё это похоже на правду больше, чем настоящая картина происшедшего. Ну, бывай. Да, совсем забыл, чтобы ты точно опознал виновника, посмотри в кармане куртки лейтенанта, там лежит карточка. Внимательно изучи её, а потом уничтожь.

Сказав это, Эчеварра резко свистнул, словно воин племени кора, и ускакал вслед за своими людьми. Вскоре округа погрузилась в абсолютную тишину, столько редко наблюдаемую Коррадо. Он ведь в основном жил среди постоянных звуков, гама, шума, и теперь, посреди сурового горного пе-

ревала чувствовал себя новорождённым. Или мёртвым, чья душа ещё не покинула землю и обзревает своё последнее пристанище. Затем медленно встал и начал поиски пропажи, сначала возле трупов. Он вставал на колени, и осторожно перебирал мелкие камни и сухую землю, гладкую на ощупь, цвета заходящего солнца. Ничего не найдя на самом перевале, он решил проверить, не выпала ли у сержанта его бездушка во время стрельбы. Стреляли они в небольшого пригорка, скрытого кустарником и чахлыми кипарисами. Подойдя ближе, он заметил две гильзы от револьвера. Поднял, понюхал. Свежие, значит где-то тут искать надо. Он опять встал на четвереньки и стал медленно оглядываться, прощупывая старую хвою, куски коры и редкие травинки. Ему попалось пара медных песо, покрытых зеленой малахитовой плёнкой, один очень старый пыж от охотничьего ружья, пара пробок от бутылок, какие-то непонятные обломки керамики. Песо немного отличались от тех, что были в ходу, они были больше в размерах, но надпись «один песо» он прочитать всё же сумел. Но искомого тут не было, нигде, хотя он уже обошёл всю округу второй раз. Солнце катилось в закат, было часов семь, в голове гудело от жары, страха и жажды. Но Коррадо упорно осматривал проклятое место. Откуда-то снизу, со стороны старой дороги на каменоломню, слышалось осторожное цоканье копыт. Несколько коней, по звукам выходило тяжело нагруженных, возможно это поисковый отряд. В отчаянии Коррадо начал перебегать с ме-

ста на место, бессмысленно всматриваясь в землю, камни, мертвецов. Всё было тщетно. Тогда он сел на землю возле молодого лейтенанта и зарыдал. Сначала он просто трясся, беззвучно, от усталости и навалившегося бессилия. Затем что-то пережало горло, комок обиды и бессилия. Постепенно он стал раскачиваться на месте, слёзы сами текли по его щекам. Он жалел себя, проклиная одновременно из-за того, что не ушёл из проклятого полка раньше, до сегодняшнего дня. Жалел несчастную Веронику и её глупого отца. Даже этих мертвецов, которых никогда ране н видел, и тех жалел. И ещё он ненавидел. Ненавидел так, как может ненавидеть только человек загнанный в абсолютно безвыходную ситуацию. Зло, безудержно и бессильно. Ни Эчеварра, ни его банда, ни майор никак не могли пострадать от его ненависти и проклятий, что срывались с его губ.

– Эй, ты, не двигайся! Подними руки, и не делай резких движений!

За проклятьями, которыми он оглашал окрестные скалы и уже начинавшие покрываться одеялом тумана долину, Коррадо не заметил, что его окружили три вооружённых человека. Он послушно выполнил приказание. Подошедший мужчина схватил его правую руку, больно завёл её за спину, и защёлкнул наручниками. Затем наступил черед левой руки. После этого его потянул вверх, поставили перед четвертым, сидящим на белом коне незнакомце. Все они были не в форме армии или местной стражи, милиции или на-

ёмных вакеро. Нет, они были в простой, даже можно было бы сказать бедноватой одежде, чёрного цвета, в высоких сапогах, которыми обычно пользовались наездники, перегонявшие табуны на север или юг. Оружие у них было самое простое, пятизарядные ружья Ли, громоздкие и неудобные для всадников. По два длинных тесака, один револьвер, судя по рукояткам, у всех 57 модель. Всадник на белом коне был бледен, либо недавно прибыл сюда. Остальные имели вид потрёпанных жизнью охотников на хищников, донимавших крупные хозяйства. Или охотников за головами. Коррадо осёкся, оглядывая своих новых хозяев. Не было заметно, что наличие мёртвых солдат их расстроило. Никто его не бил, никто не ругал. Это пугало сильнее, чем возможность получить пинок в живот.

– Кто вы такие? И почему вы схватили меня? Я солдат, сержант. Сержант Мигель Коррадо, вестовой, 7-й горно-кавалерийский полк. Немедленно отпустите меня или...

– Или что? – всадник был спокоен, и это напугало Коррадо. Они явно не спешат тащить его в суд или не пытаются покончить с ним тут и сейчас. Что им всем от меня надо?!

– Вы... вы не имеет право задерживать меня. Пленять меня. Я служу стране....

– Мы тоже служим. Антонио де Салазар, капитан. А это мои люди. Может, прояснишь, сержант, что ты тут делаешь, и почему весь в крови. Может быть, ты также просветишь меня, почему семь солдат лежат со следами явно противо-

естественной смерти. В привидений и восставших местных рабов не поверю, сразу говорю, так что придумай нечто более интересное.

– Их убил. Один незнакомый мне всадник. Я украл свинью, они погнались за мной. Спутали меня с кем-то, наверное. Я смог выбраться, сел в засаду. Когда солдаты появились, убил офицера, а остальных....

Его резко прервал смех всех четырёх охотников за головами. Один из них, высокий креол, ткнул больно под рёбра Коррадо и улыбаясь редкозубым ртом, пробубнил.

– Антонио, ты его руки погляди, и на морду. Он едва живой от страха. Врёт, покрывает кого-то.

– Вижу Себастьян, вижу. Кого ты покрываешь, толстяк? Своих однополчан? Давно известно, что ваша часть это только одно название. Майор Пейран устроил из некогда славного боевого соединения одну большую банду. Впрочем, нас это никоим образом не касается. Ты видел человека с такими приметами? Внимательно смотри, вот на это изображение.

Коррадо тупо уставился на снимок. Он был хуже, чем тот, что оставил в кармане куртки убитого офицера сержант Эчеварра. Но изображён был один человек! Молодой, светловолосый, с улыбочивым лицом и жёстким подбородком. Только дет он был иначе. В дорогом платье, с тростью, в белых перчатках, наверное, и съёмка была где-то в столице. Тут снимает только один Игнасио Лагеро, а на снимке было клеймо студии Пахерос. Он не знал никого с таким именем в округе.

– Это... это он! Тот человек, что убил всех вот... точно он! Сеньор капитан! Я правду говорю! Только одет он был иначе. Только одет как туземец! Три карабина было! Сеньор, я правду говорю! Он носит шляпу с серебряной эмблемой, лвы времён революции! Ростом он с вас, широкоплечий!

Охотники за головами тревожно переглянулись, и достали оружие, став оглядываться по сторонам. На лице капитана заиграла злорадная ухмылка.

– Верно, верно. Значит, тут говоришь, проезжал? И тебе помог перебить солдат?

Захлёбываясь и трясясь от страха и ощущения, что ещё можно спастись, Коррадо рассказал всё историю, что ему придумал Эчеварра. Он даже не смог ничего придумать своего. Но или охотники не были искушёнными слушателями, или им нужен был именно этот человек, потому как не перебывали, слушали внимательно. Когда рассказ был окончен, а Коррадо стал сопеть, словно выловленная рыбаком рыба на берегу, капитан де Салазар задумчиво протянул.

– Ты врёшь, это ясно. Но вот причины, по которым ты врёшь мне, неизвестны. Возможно, ты покрываешь своих подельников, а быть может тебе приказали оговорить этого человека. Но нас это уже не касается, поскольку главное мы узнали. Он тут, и в любом случае, совершал или нет эти убийства, это уже не наше дело. Пусть решают это в суде. Если доживёт до суда. Себастьян, отпусти его. Верни ему оружие.

Ему освободили руки и вернули оружие. Он машинально проверил барабан, тот был пуст. Себастьян, нагло ухмыляясь, высыпал патроны на землю. Что же, пусть, главное он цел. Троица медленно расселась по своим навьюченным мохнатым коням невысокой горной породы. Коррадо медленно поднял патроны и бесчувственными пальцами попытался снарядить барабан.

Четвёрка охотников за головами молча выстроилась цепью и двинулась вперёд. Только не по тому пути, о котором говорил Эчеварра, а по следам самих «котов». Сначала Коррадо хотел их окрикнуть, сказать, что впереди может быть засада, но передумал. Когда они почти отъехали от места бойни, один из охотников присвистнул и ловко наклонился, прямо с седла подняв нечто, свернувшее под лучами заходящего солнца. Сердце Коррадо дёрнулось, он подбежал к остановившемуся отряду. В руках всадник держал именно ту самую запонку, что потерял Эчеварра.

– Эй, э-эй, извините, но это моя запонка, память о дедушке. Он был прислужником в доме губернатора, а это получил в подарок, когда ушёл на покой. – Коррадо заторопился, сглатывая слова, опасаясь, что его не станут слушать, и тогда серебряная безделушка пропадёт для него навсегда.

– М-да? А чем докажешь, что это именно твоё добро? На нём есть клеймо? – Невысокий бородатый охотник, поднявший находку, недоверчиво поглядел на сержанта.

– Нет, клейма нет. Она в виде стрелы, обрамлённая ли-

ствиями растения, хикамы. Это ещё когда вице-королём был Аугусто Мигель Асанза. Почти сто лет назад.

– Я не знаток, а букв тут нет никаких. Но если эта вещь тебе дорога, я готов тебе её продать. Что предложишь?

Коррадо ошеломлённый перетряс свои карманы и полупустую сумку. У него было всего два реала, которые он вырубил за продажу украденного мешка угля, д несколько мелких монет, в том числе и те два песо, что он нашёл на холме. Охотник безразлично поглядел на предложенное к обмену.

– Мало. Такая вещь стоит не меньше ста реалов. Ведь если ты правду говоришь, она принадлежала губернатору, значит и стоит не меньше ста реалов. Так что или сто реалов, или....

– Эй, толстяк, где ты взял эти монеты? – капитан де Салазар вперился острыми жёлтыми глазами в монеты, которые сержант высыпал на ладонь. Коррадо и сам оглядел песо, немного отличающиеся от обычных монет, но ничего особенного не приметил.

– Нашёл. – Коррадо не смог ничего придумать лучше. – Нашёл, когда искал запонку. Тут, недалеко.

– Где нашёл, показывай! Парни, планы меняются! Похоже, хватит нам мотаться в поисках всякого отребья! Себастьян, ты помнишь того дурака, с железным ящиком? Вот выходит не врал он, совсем не врал. Надо же, после стольких лет и прямо под боком.....

Капитан не договорил, удручённо махнув рукой, зато остальные охотники явно приободрились. Коррадо решил

не вникать в подробности, главное, ему надо заполучить ту дребедень, и по возможности улизнуть из города, пока события не приобрели угрожающий масштаб.

Коррадо показал, где нашёл монеты, даже подробно описал, как нашёл. Его послушали, после чего стали искать, копаясь в каменистой земле ножами. Неожиданно тот же, кто ранее нашёл запонку, заорал, все кинулись к нему, даже Коррадо. В руке бородатый охотник держал полуистлевший цилиндр, изготовленный из какого-то дерева, перемотанный почти сгнившей шкуркой. Внутри цилиндра содержалось несколько десятков монет, подобных ранее найденным сержантом, но не успевшие покрыться малахитом. Тогда капитан приказал ему искать любые монеты, да вообще любую вещь, отличную от обычного содержимого горного леса. Сам капитан уселся, словно ничего не произошло, на камень возле трупа, а его спутники, ругаясь и сопя, стали ползать и искать, рядом с Коррадо. Нашли ещё несколько таких же цилиндров, но потом как отрезало. Уже темнело, а поиски всё продолжались, пока стало понятно, ничего больше не найти. От трупов уже веяло гниением, а Коррадо переживал, что его ещё не взяли под стражу. Кто знает, не решится Эчеварра из злобы отомстить семье Вероники? Охотники собрались возле небольшого костра, куда свалили все свои находки, и стали о чём-то оживлённо тихо переговариваться, пока Коррадо устало тёр разодранные до крови руки, пытаясь их очистить от прилипшей грязи. Затем капи-

тан де Салазар подошёл и протянул молча ему потерю Эчеварра.

– На, возьми, сержант. Только не говори никому, что ты был тут и видел нас. Это не твоя тайна. Сохрани всё в секрете, пока мы не найдём главное сокровище. И ступай себе с миром.

– Простите, но мне придётся рассказать всё, что тут произошло. Иначе не только я, но и другие люди могут погибнуть! Вы не знаете эту землю, сеньор капитан! Тут творятся мерзкие дела!

Сам того не понимая, Коррадо рассказал этим незнакомцам свою невероятную историю, торопясь и сбиваясь. Рассказал про 7-й полк, про проделки и тайные дела майора, про «котов», про приказание выдать одного человека, которого искали и охотники. Про угрозы Эчеварра, про Веронику, про желание покинуть эту землю, и обустроить свою жизнь в новом месте. Его слушали молча, напряжённо, не так как раньше. С каждой новой фразой их лица становились всё более безжизненными. Когда он закончил никто не проронил ни единого слова. Все уставились на капитана де Салазар. Тот устало потёр глаза грязной рукой и вздохнул.

– Другой бы сказал – не верю, ложь, ты сам убил этих слуг государства! Но я многое знаю и про майора Пейрана, и про «котов». То, что мы ищем с ними одного человека, меня немного удивляет. Но одно могу тебе сказать вполне определённо – Эчеварра не тот, кто будет ждать исполнения

приказания, а потом отпустить тебя с миром. Он убьёт и тебя, и твою девушку. Беги отсюда, сегодня же беги! Расскажи её отцу всё, что знаешь, и пусть он отпустит вас обоих с миром!

– Но я не могу! Пострадают другие люди! Семья Вероники! Да и меня могут объявить в розыск! Обвинят в убийстве солдат и офицера! Тогда мне придётся бежать в другую страну! Я же языка гуэро не знаю! Если только простым работником, где-то на плантации. Или вакеро наняться...

– Не обязательно тебе бежать в другую страну с пустыми карманами. Ты мог бы нам помочь отыскать того человека, которого тебе предложил оклеветать Эчеварра. Мы же пока примемся искать сокровище, скрытое в этих горах.

– А что за сокровище? Простите, но я никогда не слышал про какие-то клады от местных жителей.

– Это было давно. Почти сто лет назад. Нет, вру. Это было во время падения власти короля. Груз с монетами, особой серией монет, отправился из Веракрус на север. Генерал, назвавшийся императором новой страны, спешил на север. Недалеко от вашего города он разбил лагерь на территории бывшей крепости. Эти монеты были не совсем простыми, если составить все сорок цилиндров с монетами, то можно по крошечному рисунку на каждой монете построить карту. И по этой карте найти настоящий клад, скрытый где-то в горах, за хребтом Лобо-Варго, в диком краю Секуаруедас. Клад Хесуса. Он составлял тогда сорок тонн серебра, в монетах.

– А почему вы мне всё рассказываете? Ведь я не самый умелый копатель, да и в земле рыться не умею. Что мне эти знания про клад этого Хесуса. Кстати, а кто такой Хесус.

– Говорю я тебе всё это, поскольку ты нам нужен. Предать тебе нас себе выйдет дороже. Хесус был одним из детей опального владыки. Говорят, что он придумал этот способ хранения сокровищ. Кроме того, когда восставшие схватили их, то, несмотря на все пытки, Хесус не выдал место клада. Умер, но смолчал, потому даже враги, что-то знавшие про клад, но не знавшие, куда он делся, нарекли пропавшие сокровища в честь сына генерала-императора Аугусто Первого и последнего.

– А люди, что тащили, помогали, стерегли? Погонщики, ну хоть кто-то, но должен был бы видеть, слышать, примечать. Те же краснорожие ублюдки всё всюду вынюхивают. Наверняка кто-то нашёл уже этот клад! Увидели, что земля тронута, следы копыт и человеческих ног, пошли по следу и нашли! Они очень хорошие следопыты, что про них не говори.

– Нет, не нашёл их никто, потому что сказать точное место было некому. Все, кто участвовал в сокрытии сокровищ от революционных войск, были на момент пленения Хесуса мертвы.

– Почему – мертвы? – Коррадо даже удивился. Огонь плясал на мокрых дровах, шипел на хвое. Станные блики отражались от кожи капитана де Салазар. Словно от каменной

статуи.

— Они все покончили с собой, если так можно выразиться. Их было только десять человек. Последнего курсанта, который убил двух погонщиков, ударом стилета убил сам Хесус. Ему самому было только шестнадцать, а самому старшему в группе — двадцать. Это было осознанное решение, все они были добровольцами. Потому что знали, их будут пытаться, и кто-то может не выдержать пыток. Хесус же наблюдая, как убивают друг друга эти молодые патриоты, сам закалился, приготовился к будущему кошмару. Последний, кого он убил, был его близкий друг. Они не для себя прятали все эти монеты, составляли карту! Деньги эти нужны были не им самим, а чтобы потом вернуть власть законному правителю. Это был акт самопожертвования, сержант.

Опять тишина окружила пятерых живых, стоящих возле костра. Семь трупов недвижимо лежали на земле. Где-то высоко в горах тоскливо запел волк. Через какое-то время ему стал вторить другой. В небе стояла луна, скрываемая за облаками, время от времени. Костёр весело шипел, выбрасывая в небо столпы искр, словно шаман в каком-то диком магическом танце. Тихо прошелестели крылья ночной птицы. Напуганная волчьим воем, заржала лошадь одного из охотников. Конь Коррадо быстро вышел на поляну, скрытый до этого невысокими соснами.

Коррадо нетвёрдыми ногами подошёл к коню, и успокоил его, похлопав по крупу, достал сушёное яблоко, пошептал

ему ободряющие слова. Остальные терпеливо ждали, и он решился спросить.

– Но если все умерли, то как, и главное, кто смог передать вам сведения, что на монетах изображена карта?

Капитан де Салазар улыбнулся, так, словно он только, что был назван, по меньшей мере, императором континента. Остальные тоже приосанились, как на параде, хоть и были все в земле, и одеты в бедную одежду. И медленно, очень торжественно ответил. Слова его контрастировали с самой обстановкой, где они были сказаны.

– Потому, что у императора Аугугсто Первого был ещё один сын. Младший, почти младенец. Но хотя ему было только пять лет, он обладал феноменальной памятью. И он запомнил, всё, что говорил его отец и старший брат. После убийства отца и брата, а также многих других бежавших за императором, его приютила одна семья, в этой местности. Они не знали, кто он такой, просто ребёнок, потерявший в пучине войны свою семью. Он вырос, и у него появился свой сын. Которому он и передал свои тайные знания, на смертном одре, о самом кладе и об их происхождении. Но монархисты не были истреблены полностью. Они создавали группы, которые собирали информацию по крупицам. Постепенно они нашли его, и были готовы начать выступление. Даже сам клад был не нужен. Но случилось опять нашей стране испытать горечь революции. С севера хлынули войска наших соседей. Страну охватила война, оборони-

тельная и гражданская. Внук короля погиб, защищая свой народ, не позволил гуэро захватить эти земли. Он командовал сводным отрядом в тысячу человек. И они встали стеной перед войсками гуэро, превосходившими их в несколько раз! Даже те были поражены стойкостью внука императора! После смерти у героя остался сын, не знавший ничего про своё истинное происхождение. К несчастью его существование для всех оказалось тайной. Мать его, скромная женщина, не знала тайну своего сына. И все полагали, что теперь о восстановлении монархии можно забыть. Пока три года назад в столице один престарелый член тайного общества не увидел у своего знакомого, фотографа Диего Похерос, снимок, что я тебе показал. Старик был поражён! На снимке был запечатлён сам император в молодости! Оказалось, что юноша с фотографии учился в столичном университете, но после третьего курса был вынужден срочно вернуться домой. Так срочно, что даже не забрал свою фотографию, сделанную после окончания третьего курса. У фотографа осталось только имя, Фидель. Потом выяснили через своих людей в университете, кто это мог быть. По карточке опознали одного студента, которого звали Фидель, и происходил он из одного благородного семейства в Сюадад-Крочас. Так по крупицам и установили истинное нахождение правнука императора. Мы выполняем волю одного уважаемого человека из столицы, чьего имени, как ты сам уже понял, мы не назовём. Время от времени берём заказы на всякую сво-

лочь, но от главного не отступаем! Известие, что он действительно тут есть, и главное, его хотят подставить, значит, что пора переходить к активным действиям!

– Но я то, я зачем вам нужен? – Коррадо опять испугался, не меньше своего коня, услышавшего очередную серенаду серых хищников. Он уже догадался, для чего этим людям он нужен.

– Ты будешь нашими ушами и глазами в логове врага императора! Это твой долг, сержант! И другого пути у тебя теперь нет! Или с нами, или Себастьян сохранит нашу тайну от всевидящего ока прислужников подлеца Кавальера!

Сержант Мигель Коррадо тоскливо подумал, что надо было напасть на «котов». Быстрая смерть. Лёгкая смерть.

Глава третья

Большая часть людей слишком ленива для того, чтобы докапываться до истины; они довольствуются первым же попавшимся им авторитетным мнением. Фукидид.

Беспредельность этого мира, будь то мир шаманов или обычных людей, настолько очевидна, что только заблуждение не позволяет нам этого заметить. Карлос Кастанеда.

Тропинка вилась, обходя старые почти мёртвые деревья, покрытые налётом смолы, окаменевшей от времени и жары. По камням бегали мелкие ящерицы, в кустах и на ветках старых деревьев шуршали птицы, потихоньку перекликаясь, напуганные визитом человека. Человек был тут редким гостем. Даже охотники не рисковали соваться во владения «Большой Тава», легендарного седого медведя, невероятно большого и хитрого. Местные считали, что он живёт тут с момента создания мира. Это конечно было враньём, услышав такое объяснение, заявил майор. И теперь он, сержант Хуан Эчеварра в одиночку, осторожно, таясь от каждого шороха, пробирается сквозь заросли, полные опасностей и ядовитых змей, к старому форту времён колонизации, построенному на вершине горы Кастакаваль, священной горы предков местных

всех племён.

До того, как «белые демоны» пришли на плато, названным впоследствии Секуаруедас, это место было свободным от распрей и ссор. Враждующие племена посылали своих парламентёров к старцам, живущим на горе Кастакаваль, чтобы примирить свои народы. Жертвенник всегда был завален цветами и плодами, как знак признания мудрости богов и памяти предков. Священный огонь постоянно коптил на вершине горы, заправляемый чёрной кровью земли, вытекающей из болот, раскинувшихся за рекой Херисад. Были там и каменные изваяния предков, украшенные камнями, добытыми в земле и подобранными на речных отмелях. Жёлтые, красные, голубые, зелёные, с чёрным отливом, и бесцветные, их осторожно гранили лучшие мастера, и затем после обряда вставляли в истуканы. Которые запечатали разные этапы жизни бога-Птицы, всего семь. Последний, седьмой идол, был сделан из золота, чистого, весом почти тонну. Стояли там и жертвенники местным богам, божкам и духам предков, украшенные уже беднее, но тоже имевшие ювелирные украшения и золотые подносы для пожертвований. Именно легенды, сильно приукрасившие сокровища древних богов, и привели туда авантюристов из отряда Руиса Гусмана. Сорок шесть человек, вооружённые мушкетами и тремя пушками, быстро отогнали местных защитников от священной горы. Устроившись на вершине, Гусман не стал почивать на славе победителя, а принялся тут же,

с привлечением пленных, строить форт. За три недели, прошедшие в постоянных нападениях туземцев, бессмысленных и яростных, форт был построен. Подошли ещё два отряда, из разбитого воинства горемыки Охедо, усилившие гарнизон ещё тремя орудиями и двадцатью шестью аркебузирами. Но племена не сдавались, хотя в битвах счёт потерь туземцев шёл на тысячи, новые хозяева не могли заставить местных подчиниться. Они не могли даже отправить золото и драгоценности, награбленные в храмах, в Картакуена, тогда единственный укреплённый порт на берегу, в ста сорока милях от Кастакаваль. Много крови пролилось, пока адмирал Хуан Сиерра, отправившийся в поход до другого берега, не был вынужден спастись бегством от разъярённого войска Тишакталь, последнего вождя свободных племён, кто посмел бросить вызов пришельцам. Адмирал Сиерра просто не заманил несколько разрозненных отрядов племенного союза Акаура, и следовавших за ним войско Тишакталь, вооружённых примитивным оружием, в основном каменными топорами и стрелами с костяными наконечниками, в расщелину под Кастакаваль. Заложенные ранее бочки с порохом подорвали, когда почти десять тысяч воинов вошли в узкий проход. Камни завалили проходы, и похоронили заживо всех воинов Тишакталь. Ещё несколько дней слышали в форте стоны умирающих под завалами из трупов и камней, не могущих выбраться туземцев. Победа принесла адмиралу Сиерре почёт и уважение, он был назначен первым губернатором

Акаура. Гибель большого числа молодых и сильных мужчин сломило сопротивление туземцев. Гора, и без того считавшаяся священной, стала теперь запретной для людей Акаура, или их потомков. Только шаманы и отверженные уходили сюда. А так же искатели золота.

Проклятое золото! Эчеварра скрипел зубами, выплёвывая постоянно какое-то настырное ползучее насекомое, усиленно лезшее ему прямо в рот. Может быть, это каждый раз была другая тварь, но легче от такой мысли не становилось. Вода у него кончилась, а есть он от усталости не мог. Да и не когда было есть. Он постоянно прислушивался, опасаясь различить в шуме деревьев звуки стрельбы. Хернандес остался внизу, а Борреас ускакал за подмогой. Остальные мертвы.

Откуда взялись эти черти, охотники за головами?! Никто вроде не заказывал никого в городе последние лет пять. А у селян денег не было, чтобы нанять сразу четырёх головорезов. Нет, не головорезы. Они профессиональные солдаты. Эчеварра понял это сразу, когда убили Раминаса. Его убили выстрелом в голову, а лошадь не тронули. Причём не нагнись Борреас к шее коня, чтобы ветка кипариса по морде не хлестанула, пуля, пробив голову Раминаса снесла бы и его череп. И сразу их атаковали с трёх сторон. Трое раненых в первую минуту атаки и один труп. Эчеварра был профессиональным военным, в армии был с пятнадцатилетнего возраста, со времён революции. Те, кто напали, были хорошими стрелками, аккуратными. Ни одной животины не пострада-

ло. Пули получали только люди. Сначала он даже подумал, что это мерзкие охотники из местных, обозлившихся на белых, или выследивших «котов». Но когда Борреас выстрелом сумел убить одного, убившего в тот же миг Наскаро, и упавший молча скатился к ним, стало ясно, что атакуют их не ди-кари со старыми однозарядными пугачами. Каким-то чудом они ускакали из-под обстрела, помогло, конечно, и знание местности, и вероятно, смерть одного из нападавших.

Охотники за головами. Когда-то Эчеварра и сам подумывал, не пойти ли из армии именно туда. Но перспектива встретиться с заказчиками, которые могли заказать именно его самого, несколько охладило его пыл. Да и со временем доходы сержанта сильно превысили все возможные прибыли охотника. Кроме того, никто не заставлял его гнаться неделями за какой-то тупой скотиной, умудрившейся оставить множество следов и живых свидетелей своих «шалостей». Теперь его мнение резко изменилось. Даже если они не убьют Борреаса, когда ещё прибудет эта подмога. Они потеряли троих, Карлос умер от потери крови, всего час спустя. Погоня не отступала, но и не приближалась сильно близко. Раны у Хернандаса оказались не столь плачевными, как у Карлоса, но вряд ли он смог бы одолеть путь к форту. Эчеварра тоже был ранен, пуля пробила руку, но к счастью, не задела кость. Они перевязались на привале, после чего сначала ушёл Борреас, а спустя полчаса, после неудачной атаки охотников, ушёл в гору и сержант.

Надо было не трогать этих дураков, злобно сопел про себя Эчеварра. Если бы он знал тогда, в что выльется эта за-сада! Потом ещё этот старик им попался на дороге, и стал нападать и грозить всеми ужасами преисподней. Карлос всегда был нервным, вот и не выдержал, убил старика из поместья «Гранд террано донасьон», владения дона Хуан дель Васко-и-Дингадо, старого ненормального деда этого подонка Фиделя. Не надо было убивать старика, не надо. Он должен был удержать Карлоса от этого поступка. Но встреча с толстяком Коррадо, очень некстати увидевшего расправу над людьми де Соуза, а потом пропажа в том же поганом месте подарка самого дона Игнасио, выбили Эчеварра из колеи. Эти выстрелы и привлекли охотников к ним, а пока Карлос обыскивал стариковские пожитки, пока они, столпившись, как тупые ослы, изучали старую карту, с письмом местных жителей, иероглифами, охотники и подкрались к ним совершенно незамеченные. Вот теперь и думай, что делать, Хуан, думай сержант, пока есть в черепе содержимое, пока не выклевали птицы твои глаза, пока не сгнило тело твоё в этих никому ненужных отрогах, поросших лесом, где и ранее сложили свои буйные головы сотни искателей сокровищ великого прошлого Акаура. Нет, и не было никаких причин не верить в легенды, которые предостерегали любопытных и жадных от поисков этого неприкосновенного сокровища. Таков был и Эчеварра, почитавший, что добывать с револьвером и ножом себе будущее благополучие как-то спокойнее, чем

рыться в пещерах, заполненных черепами неугодных золотому идолу. Однако как не уберегал он себя от опасностей, как не старался обойти стороной проклятую гору, она сама притянула его, словно иголку большие ножницы. Иголка, его жизнь сейчас стоит ещё дешевле. Вернее ничего она уже не стоит, ничего, даже того, чтобы он мог увидеть новый рассвет. Лечь, лечь на камень, покрытый старыми надписями, иссечённый ударами кремневых серповидных ножей, отсекавших, словно серп в руке земледельца колос от самой Земли.

Стоп. Эчеварра помотал головой, ошарашено уставившись на мертвого горного козла, неудачно спрыгнувшего с одной стороны узкого ущелья. Над трупом уже яростно веялись летающие насекомые, по изорванному об какой-то острый камень боку козла ползали мерзкие белые толстые черви. Он внимательно осмотрел землю вокруг трупа. Следов хищников, или мелких падальщиков не было видно. Странно. Однако, тем самым он мог хотя бы не бояться, что на него нападёт пума или медведь. Хорошо, тогда ждать ему надо только нападения сзади. Он посмотрел на гниющее мясо, потом внимательно оглядел нависшие над ним острые края ущелья. Вот оно, место гибели Акаура, его гордости и глупости. Тысячи трупов, теперь просто рассыпающихся от старости костей, укрыты плотной стеной камней. Почему козёл прыгал именно тут? Он прислушался, но тишину леса не тревожил ни один сторонний звук. Ни выстрел, ни шум

падающих камней, ни шорох сапог. Странно. Может он просто в бреду? Эчеварра потрогал свой лоб и выругался. Лицо просто горело, конечно может быть из-за долгого и трудного подъёма и ранения. Он осмотрел рану, приняхался. Нет, пока ещё не всё потеряно. Он огляделся вокруг.

Толстые стволы горной сосны и теперь редкого кипариса, каких-то невиданных ранее невысоких густых кустарников, укутанных шалью из маленьких листьев, тёмно-зелёного цвета. Через просветы деревьев он видел внизу долину, маленькие домики земледельцев, ветку железной дороги, едва слышимый гудок пытящего состава донёсся из долины. Странно, что он не слышал сегодня звуков взрывов, может быть, взрывные работы на рудниках ведутся не каждый день? Хотя до рудника ли ему теперь? Надо было спускаться по дороге вниз, и тогда их не стали бы преследовать эти твари. Люди на руднике были ему немного знакомы. Старый Грудник, иммигрант из старого света, большой и громогласный, при этом очень умный, достаточно умный, чтобы работать на генерала Веласкеса и не вызвать у желчного промышленника недовольства. Бывший майор-артиллерист, сумрачный и сухой, как палка, постоянно кашляющий Симон Морелос, ненавидящий местных просто за само их существование. Пара наглых и умных братьев Диего и Салазар Вильялобо, словно оправдывая свою фамилию, стали ужасом для всех несогласных с решением компании «Веласкес импреса» получить из этих гор всё, что там есть ценного. Они бы

не дали сгнуть «котам» так постыдно! Ведь «коты» работали и в интересах компании, хотя между генералом Диего Веракрус Кавальеро и обоими Веласкесами имелись значительные разногласия, это не мешало майору Пейрану обходительно принимать участие в тёмных делах обоих столпов будущей хунты, как говорил про обоих оппонентов лейтенант Хименес. Но дразги и проблемы с взаимоотношениями господ не касались их, простых исполнителей воли своих повелителей. Эчеварра придерживался принципа, что пока кости не кинуты, не стоит в открытую проявлять своё неприемлимое отвращение к какому-либо значительному человеку в городе Сьюдад-Крочас. Даже с нижним командным составом гарнизона де Союза он лишний раз старался не пересекаться, а если и имел какие-то встречи, никоим образом не показывал своего истинного отношения к их командиру. При всём при этом майор Пейран связался с политиком без явно выраженной позиции, Хелайя Хосе Лопе, этим дураком-реформатором, мечтавшим занять кресло в большом дворце на площади Зокало. Майор при всём при этом был верен Кавальеро, поскольку старик был, не смотря на весьма почтенный возраст, очень умён и быстро схватывал главное, кроме того был мозгом будущей хунты. Оба Веласкеса были скорее кулаками, хотя и не желали признавать этого, теша себя иллюзиями своей «молодости». Эчеварра связывал свою дальнейшую судьбу или с добычей сокровища, так называемого «клада Хесуса», или с верностью майору Пейра-

ну. Ведь «коты» верой и правдой служили интересам молодого политика, пока ещё военного.

Вдалеке раздались глухие подземные удары, видимо всё же сегодня взрывные работы велись на обоих рудниках, либо два взрыва были в одном проведены сразу. Он даже готов был поклясться, что чувствовал ногами лёгкое волнение самой земли, возмущённой таким отношением к себе. Старая земля, помнившая гибель сотен своих неразумных детей на алтаре, что некогда стоял на месте заброшенного форта Гусмана. Тысячи погибших во время колонизации, сотни погибших во время первой войны за независимость и во время войны с интервентами, завершившейся новой гражданской войной. Что всех их влекло сюда? Ведь даже в южных более населённых штатах, богатых лесом и рудой не происходило таких кровавых и бессмысленных битв. Неужели правду говорил пьяный Диего Вильялобо, утверждавший, что идол Птица, покрытый золотом, всё ещё ходит по этим горам, призывая к себе своих дурных последователей. А другим просто мутя разум, доводя до безумия, агрессии ко всему существу. Он алчет крови, как мы алчем золота, маис жаждет воды и солнца. Жаждет преклонения и молитв святой, чьё плохое каменное изваяние украшает серое и скучное здание церкви. Маис зачахнет, если есть вода, но нет солнца, либо если напоить его кровью. Статуя не треснет, но преклонять колени и славить святого, чья статуя измазана кровью, а у подножия валяются тела изуродованных

жертв, вряд ли много найдётся желающих. Идол же другое дело, кровь для него питьё и поклонение, безумие и смерть – пища и опять же поклонение. И его жажда связана с нашей жаждой – она одного состава. Золото и кровь, жертвоприношение. Когда-то, давным-давно, прародитель земли, оставил себя на любимом детище, для своих любимых созданий, людей. Он застыл в этих жёлтых тяжёлых кусках, в песке и горных породах, поскольку был Солнцем. Потому поклонение идолу Птица есть поклонение самому Солнцу, от которого мы забрали столько золота, что его не хватает. Но чем больше золота мы берём, тем больше мы его жаждем. И тем сильнее Птица требует от нас своих жертв, угрожая нас лишить всего, что мы накопили. Так Вильялобо рассказал ему за бутылкой местной водки, что настаивают на особом виде кактусов, отчего в голове потом появляются шум и видение.

Эчеварра очнулся, с трудом оторвав голову от дерева. Его волосы прилипли к истекающему смолой стволу. Как впрочем, и сама одежда. Сотни муравьёв яростно кусали его, но или он уже плохо соображал, или они были слишком слабыми, либо кожа его уже приобрела нечто общее с выделанной шкурой буйвола, потому муравью было её не прокусить. Он покосился на рану, по которой бегали не только муравьи, но и какие-то мерзкие гусеницы. Скинув с себя всю эту мелюзгу, он сорвал пропитавшуюся кровью повязку. И выругался, поскольку, несмотря на то, что с момента ранения прошло не более пяти часов она уже начала гноиться.

Выбора не оставалось, он быстро достал один патрон, выковырял ножом пулю и высыпал порох на рану. Глубоко вздохнул, взял в рот сучковатый обломок, валявшийся под ногами, уселся на кусок старого дерева, крепко упёрся ногами в землю. Вынул бутылку с водкой, порылся в сумке и достал грязноватую тряпицу, в которой раньше был завернуто вареное мясо и хлеб. Оторвал кусок, медленно обрызгал водкой тряпку и положил её на колени. Остаток тряпки сержант сунул в карман куртки. Хлебнул водки, охнул, поморщился и убрал бутылку в сумку. Затем медленно достал спички и поджёг порох. Хотя палка была достаточно толстой, он перекусил её, слегка обломав один из резцов. Выплюнув деревяшку и сипя от боли, он тряс рукой, слёзы текли по лицу. Но не завыл, не закричал, понимая, что не должен привлекать внимание к себе, особенно сейчас. Постепенно он взял контроль над собой и заставил не скулить, словно побитый щенок. Трясущейся рукой он протёр почерневшее место раны пропитанной водкой тряпицей. Затем нажил побуревшую тряпицу на рану, и быстро намотал остальную тряпку на рану. Сверху наложил стягивающую повязку из сухого конопляного полотна. Осторожно подвигал рукой, убедился, что не затянул слишком сильно. Затем встал на ноги, снова прислушался, сплюнул на землю и пошёл к забитой камнями расщелине.

Он хотел пить, но его ещё мучило от водки и скорее всего от боли и лихорадки. Медленно, словно старик, он поднялся

по камням на первый выступ. Под ногами кое-где хрустели кости, работа адмирала Сиерра, усмехнулся про себя Эчеварра. Взобравшись на первый выступ, он осмотрел окрестный лес. Никаких выстрелов не было слышно, но или присутствие в этом месте, или боль от раны, зудящей под тугой повязкой, заставили его присесть и ещё раз осмотреться. Сначала он не заметил ничего подозрительного, лес как лес. Потом что-то привлекло его внимание внизу, где он шёл ещё пару часов назад. На небольшой проплешине, явно искусственного происхождения, то ли результат неудачного забоя, то ли напоминание о былой истории этой земли, вдруг появился человек. От пота в глазах и помутнения он смог точно сказать, это его человек или преследователь. Но достал свой карабин, с коротким стволом, и магазином на три патрона. Он оставил винтовку внизу, полагая, что более лёгкий карабин, дешёвое детище «Родникового поля», будет уместнее в густом лесу. Затем достал и револьвер. Тем временем на проплешине появился ещё один человек, и вот его-то Эчеварра узнал бы из сотни. Даже на таком расстоянии, он увидел, как блеснула та дурацкая кокарда на его шляпе. Вот ты где, щенок! Эчеварра даже удивился, но потом быстро сообразил, что так оно и понятнее, почему эти твари стали охотиться на них. Только этот нахал мог позволить себе настоящих «казаррекомпенсас», не боясь гнева властей. Ведь он сам вне закона. Точно!

Эчеварра осторожно прицелился, затаил дыхание, когда

его недруг наклонился, чтобы что-то рассмотреть, видимо пустую бутылку, где была вода, что раньше выбросил Эчеварра. Или пара патронов, выпавших у него из кармана, когда он среагировал на резкий хруст подлеска, хотя его спугнул маленький дикобраз. Может ещё что-то привлекло внимание, кто знает, может быть даже сама эта яма, или камни, словно кости торчавшие из земли. Эчеварра не думал об этом, он думал о том, сможет он попасть прямо в голову с этого расстояния или нет. Он рискнул. Грохот выстрела оглушил округу, всполошил птиц. Он сам ошалел, возможно эта местность так искажала звук, что создавало эффект эха, превосходившего сам источник звука. Человек в шляпе упал, задёргался, уронил шляпу. Второй кинулся в сторону, под защиту деревьев, успев пару раз выстрелить в ответ. Мимо. Пули даже не задели камни, возле которых лежал Эчеварра. Он усмехнулся, прицелился и ещё раз выстрелил в ногу раненому. Тот задёргался и стал ползти по песку к деревьям, оставляя за собой кровавый след. Раненый задержит их на какое-то время. Либо не задержит, если он всё же попал в голову. Однако особой надежды не было. В глазах немного рябило, руки подрагивали. Будь у него верная винтовка, то оба противника уже валялись бы мертвыми.

Звук пули, ударившейся о камни над его головой, несколько маленьких осколков, посыпавшихся на шляпу Эчеварра, привели его в чувство. Противников было трое. Одновременно по нему выстрелили из трёх точек. Четверо. Значит,

кто-то пришёл на выручку охотникам за головами. Любопытно. Пока ему их выстрелы не угрожали, поскольку попасть в него смог разве что человек с орлиным зрением и очень хорошим оружием. Судя же по сплюсненной бляшке, стреляли они из простых пятизарядных Ли, к тому же меньшего калибра. Эчеварра достал начатую коробку патронов и спокойно зарядил магазин карабина, вытряхнув песок, откуда-то взявшийся. Затем, после ещё нескольких выстрелов, не глядя, всё равно сквозь кроны хвойных деревьев он не видел противника, выстрелил три раза по одному предполагаемому месту нахождения движущейся цели. Отчаянный крик, резко оборвавшийся, огласил лес, всполошил птиц, которые и так были напуганы выстрелами и эхом от канонады. Либо он его убил, либо ранил. Зарядив снова, стал выжидать. Никто не стрелял, не кричал. Птицы всё ещё голосили, не успокаиваясь. Рука пульсировала, голову мутило. Он огляделся вокруг, затем медленно подтянул кусок старой тряпки, неизвестно откуда тут валявшейся, обмотал ею приклад карабина, и накрыл всё это своей шляпой. Выглядело издалека не очень правдоподобно, разве что сослепу кто-то мог спутать чучело с человеком, но попробовать стоило. Осторожно приподняв чучело над камнями, он замер, затем поднял его ещё чуть-чуть, раскачивая её, словно бы отряхивался.

Первый выстрел снёс шляпу куда-то вниз, второй шаркнул по стволу, и срикошетил по сумке Эчеварра. С кри-

ком он уронил винтовку, завыл, осторожно доставая карабин из грязных обмоток. Быстро глянув на обгрызенный деревянный приклад, он удовлетворил своё самолюбие, такой простой трюк позволил провести охотников. Затем положил карабин перед собой и взял в обе руки револьвер, затаился и стал ждать. Никого не было видно, но он чувал, словно зверь, что внизу происходит нечто интересное, явно никто не хотел стать первой мишенью. Наконец, они что-то решили и предприняли очень интересную тактику. Вскочив на ноги, три человека, прикрывая друг друга стрельбой из винтовок, перебежали с одной стороны каменистого пригорка, где росли сосны, на другую, где высилось несколько высоких кипарисовых великанов. Эчеварра не стрелял, для револьвера расстояние на пределе, ему надо было понять, сколько противников есть в наличие. Охотники замерли, если бы у него была винтовка, он смог бы всех их убить, как кроликов. Можно было бы попробовать расстрелять их из карабина, как раз на каждого по смерти, но он боялся шевельнуться, чтобы не выдать себя звуком или привлечь к себе внимание самым движением среди застывших камней. Он выжидал момент, чтобы не промахнуться, и не погибнуть. Если они пойдут так же, как и он, ведь зачем-то он им был нужен, коль пошли следом, смерть их будет быстрой, а у него будет время, чтобы дождаться подмоги, и понять, что же заставило охотников взяться за «котов». «Котов», кроме него и Борреса, видимо уже в живых не было, если не считать ещё те де-

вять дубин, что отдыхали в форте после погрома в Ичиаль-ка, деревушке горных жителей-рудознатцев. Если же нет, ну что же, он хотя бы попытался сопротивляться неизбежному велению смерти или этого проклятого идола Птица.

Голова раскалывалась, или из-за водки, или из-за раны, последовавшей за этим лихорадки и все нагрузки последних суток, выпавшие на его не самое молодое тело. Он облизал губы, хотя язык тоже был сухим. Хотелось быстрее прийти к развязке, потому что долго он так не протянет, Эчеварра понимал. Наконец троица что-то решила, он услышал встревоженные голоса, затем один, более глухой голос что-то резко сказал, и послышались крадущиеся, удаляющиеся шаги. Его решили обойти со спины, хорошо. Значит осталось только двое охотников. Те тоже немного погодя решили выяснить, убили они его или нет. Пошли в открытую, хоть и держали оружие наготове. Сержанта они не могли видеть, хвала адмиралу Сиерра, зато он видел их уже хорошо. Можно было бы подождать, пока они станут взбираться по камням, но его тревожили те шаги, что удалились куда-то в сторону более крутого отрога горы. Кто знает, может быть, там есть тайная тропа, которая известна только местным? Ведь их кто-то провёл незамеченными, кто-то объяснил или так же провёл по лесу. Чужак бы тут долго плутал, поскольку, не зная куда идти, можно было кружить и день, и два. Кстати, откуда они знали, что Эчеварра двигался именно к старому форту на вершине Кастакаваль? Хернандес рассказал перед

страхом смерти? Проклятый трус!

От обуявшей неожиданно Эчеварру злобы усталость прошла, гул и боль в голове отступили, вытесняемые ненавистью. Он видел перед собой цели, бородатого невысокого южанина и какого-то полукровка, огромного, открывавшего свой рот, как большой ребёнок. Он выстрелил ему прямо в рот, видел, как пуля крошит редкие зубы и впивается в розовое горло, видел фонтан крови, серого месива и крошева костей, окрасивших серый камень позади полукровки. Во второго, бородатого, он выстрелил, но не задел, зато тот на какой-то миг, догадавшись, где затаился враг, выстрелил. И попал, кровь заливала глаз, хотя пуля только оцарапала кожу, не задев череп. Эчеварра заорал, от ярости и боли, вскочил на ноги, пробежал по камням, словно козёл, и прямо под выстрелами перепрыгнул на другую сторону ущелья, стреляли с двух сторон. Бородатый и тот, тот третий. Затем упал на живот, распластался и всадил две пули в грудь бородача. Тот закачался, но попытался выстрелить ещё раз, в такой позиции не мог бы промахнуться и жалкий пеон, и вот тогда Эчеварра всадил ему пулю прямо в переносицу.

Он лежал на камнях, вытирая кровь, текущую по лицу и отстранённо смотрел, как бородатая нижняя часть головы осела, вместе с туловищем, а верхняя часть головы украсила собой ещё один осколок горной породы, валявшихся после взрыва адмирала Сиерра вокруг в значительном количестве. Два трупа, один раненый, один хитрец, решивший обойти

гору, и ещё один не понятно, мёртвый или живой противник. У него осталось двадцать два патрона для карабина в карманах куртки, да два набитых магазина в подсумки. Остался последний патрон в барабане револьвера, и последний противник, ушедший в обход горы. Сколько символов возле горы, напитавшейся смертью, бывшего пристанища лживого кровавого бога, пожиравшего в древности сотни своих жертв. Вытерев пот со лба, Эчеварра вздохнув, достал горсть патронов, оставшиеся семь штук, и зарядил барабан. Два патрона он вложил в карман рубашки, хотя чувствовал каким-то неясным, непонятым образом, оружие ему сегодня больше не пригодится. Затем медленно поднялся на ноги, поглядел, прислушался, однако никаких признаков близкого противника не заметил. Может его змея прикончила, или пума? Их много в окрестностях горы. Эчеварра не слышал их, но видел следы когтей на деревьях, кто-то обгладывал кости, вряд ли охотники или солдаты ходили сюда для добычи мяса. Отряхнувшись, он отогнал неприятные, липкие, парализующие своей бессмысленностью мысли, словно печень истекающая кровью, которую он держит в руках. Сержант с оханьем перепрыгнул обратно через ущелье, давала о себе знать рана в руке и ещё сочившаяся рана на виске. Эчеварра вернулся к своему лежбищу, собрал пожитки. Вырвал кусок материи, используемой для протирки оружия, не запачканную. Облил водкой и приложил к ране. Ругнулся, не ожидая такой боли от поверхностной раны, но руку не убрал.

Скрипел зубами и упрямо прижимал клок шерстяной ткани, поглядывая вниз и по сторонам. Никаких признаков чужака, даже птицы успокоились. Одна наглая птица, вроде вороны, но меньше, села на остатки черепа бородача и с интересом стала тыкать носом в кровавой мешанине. Эчеварра бесстрастно смотрел на возню птицы в голове своего неуклюжего врага, думая о том, каким образом покинет он сам этот мир. Рана уже не жгла, но он продолжал держать покрасневшую ткань у раны. Птица вдруг встрепелась и резким карканьем улетела в лес. Эчеварра насторожился, отшвырнул тряпку, поднял карабин, проверил магазин, осмотрелся, но опять ничего не заметил. Когда он повесил карабин на короткий ремень, через шею, для удобства, и достал револьвер, его затылка коснулась холодная сталь винтовочного дула.

– Не двигайся, камрад, медленно, очень медленно положи револьвер на камень рядом с твоим шмотьём. Потом отстегни карабин и брось под ноги. Так же медленно. – Голос был хриловатый, немного задыхающийся. Судя по направлению дула и углу наклона, враг был ниже его на половину ладони. Можно было предположить, что это один из местных, проводников охотников за головами. Потому он и выжил, знал, как безопасно обойти скалу. Слова вроде были произнесены без акцента, с которым говорили местное население. Голос даже мог принадлежать старику, или мужчине в возрасте. Эчеварра решил не рисковать, медленно положил револьвер на камень. Затем отстегнул ремень, и кара-

бин упал на камешки под ногами.

– Подними руки, очень медленно. Так, хорошо! Теперь повернись, тоже медленно!

Он подчинился, хотя в его голове уже шумело такое же бурное море ярости, после которого он убил тех двоих, валяющихся теперь внизу. Он не боялся, вдруг осознал Эчеварра, потому как не умрёт сегодня. Не сейчас и не тут. За годы службы за то время что он провёл в боевых походах против повстанцев и бандитов, восставших от непосильных податей пеонов и туземцев, неожиданно вспомнивших, что эта земля принадлежит им по праву рождения, сержант Хуан Эчеварра, один из наиболее верных слуг майора Пейрана, научился чувствовать дыхание смерти. Он резко опустил руку и положил её на рукоятку длинного тесака, старого армейского тесака, которыми пользовались колониальные войска. Хотя и не ковали это оружие прошлого уже лет тридцать, их оставалось в арсеналах ещё достаточное количество. Большинство привилегированных и новых частей вооружали новыми тесаками, более короткими и элегантными, но менее подходящими для ведения рукопашного боя и пробивания сквозь разросшиеся лесные заросли. Но те, кто имел боевой опыт, предпочитали старое оружие, прямое наследие толедос, мечей первых завоевателей. Обагрённые кровью соте тысяч туземцев, веками боёв, они по праву считались настоящим воплощением древнего обрядового орудия.

Перед ним стоял невысокий небритый мужчина со свет-

лыми волосами, со шляпой, вроде тех, что носили те гуэро, кто бежал из своей страны после поражения в гражданской войне. Хотя и без кокарды, или иного опознавательного знака, всё в нём выдавало северянина. То, что северянин стал проводником охотников за головами, либо просто лучше знал местность, не было ничего противоестественного. Ведь такие люди в большинстве своём умели только убивать, а для того, чтобы самому не быть убитым, приходилось перенимать весь опыт новой страны пребывания, быстро пропитываться самим духом земли, читать карты и на глаз определять возможные опасности. И конечно водить дружбу с местными дикарями. Одежда мужчины отличалась от того, в что были одеты убитые. Они были в простых чёрных костюмах, не имевших какого-то следа формы. А в одежде этого человека чувствовалось наследие армейского мундира. Пускай и со срезанными погонами, без медных армейских пуговиц, заменённых на простые, деревянные, без каких-то иных признаков мундира, всё же угадывалось в покрое и даже самой ткани военное прошлое незнакомца. И оружие у него было иное, не такое, каким пользовались охотники за головами и простые охотники на зверей. Армейская тяжёлая винтовка, с червлёным прикладом, магазин на десять патронов, армейский же ремень, с замазанной эмблемой воинского соединения. винтовка имела ко всему прочему простой оптический прицел, что для охотников было не просто новинкой, а непозволительной роскошью. На поясе у гуэро висели в от-

крытых кобурах два драгунских, с более длинным дулом, револьверов, на семь, а не шесть патронов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.